

АЛЕКСАНДР
КОЛОМИЙЦЕВ

РУССКИЕ
ХРОНИКИ
10 ВЕКА

Александр Коломийцев
Русские хроники 10 века

Издательство «Союз писателей»

2013

УДК 82-3
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Коломийцев А.

Русские хроники 10 века / А. Коломийцев — Издательство «Союз писателей», 2013

Автор повествует о жизни славян в беспокойную, переломную для национального самосознания, полную конфликтов и противоречий эпоху крещения Руси. В лучших традициях исторического романа здесь переплетаются сюжетные линии персонажей – как представителей простого народа, так и фигур исторического значения; читатель получает возможность взглянуть на события глазами и тех, и других. Таким образом перед нами разворачивается объёмная, панорамная картина жизни общества в описываемый период, позволяющая многосторонне осмыслить сложный процесс формирования культурных и религиозных традиций русского народа. Дух времени прекрасно передан автором благодаря глубокому, точному знанию бытовых тонкостей и языкового колорита эпохи, на фоне которой развивается действие романа. Книга будет интересна широкой читательской аудитории, в первую очередь – тем, кто испытывает интерес к вопросам славянской истории и мифологии.

УДК 82-3
ББК 84 (2 Рос=Рус)

© Коломийцев А., 2013
© Издательство «Союз писателей», 2013

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
1	12
2	14
3	15
Глава 3	19
1	19
2	20
Глава 4	22
1	22
2	23
Глава 5	26
1	26
2	26
Глава 6	29
1	29
2	30
Глава 7	33
1	33
2	34
3	36
4	37
Глава 8	40
Глава 9	41
1	41
2	43
Глава 10	47
1	47
2	48
3	50
Глава 11	52
1	52
2	53
3	54
Глава 12	56
1	56
2	59
3	62
4	65
5	67
Глава 13	70
1	70
2	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Колумийцев

Русские хроники 10 века

- © Текст – Александр Колумийцев, 2013
- © Художник – Алиса Дьяченко, 2014
- © Издательство – «Союз писателей», 2014

Часть 1

Люди и боги

До рождения света белого тьмой кромешною был окутан мир. Был во тьме лишь Род – Прародитель наш. Род – Родник Вселенной, Отец богов.

Был вначале Род заключён в яйцо, был Он семенем непророщенным. Был Он почкою нераскрывшейся. Но конец пришёл заточению. Род родил Любовь – Ладу-матушку.

Род разрушил темницу силою Любви, и тогда Любовью мир наполнился.

(Песни птицы Гамаюн)

Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

(Новый Завет)

Как умрёшь, ко Сварожьим лугам отойдёшь, и слово Перуницы там обретёшь: «То никто иной – русский воин, вовсе он не варяг, не грек, он славянского славного рода, он пришёл сюда, воспевая Матерь вашу, Сва Матерь нашу, – на твои луга, о великий Сварог!»

(Велесова книга)

Глава 1

*«И вот начните,
во-первых, – главу пред Триглавом склоните!» —
так мы начинали,
великую славу Ему воспевали,
Сварога – Деда богов воспевали,
что ожидает нас.*

Тягучи, нескончаемы думы волхвов. Много тайн сокрыто в убелённых сединами головах. Открыть тайны не знающим мудрости людям, не читавшим письмен на дощечках, хранящих память, – горе дать. Не всяк совладеет с великой мудростью, изведётся в размышлениях, изранит душу.

Давно минул Троянов век. Жили люди по Праву, заветам богов, не преступали правды. Теперь не то. Князья стремятся к самовластью, богатеи мыслят: ежели скотницы полны, да жертвы обильные богам приносить, можно правду не блюсти. Подличают, резами вольных людей в обельных холопов обращают. В старину того не бывало. В старину Правь славили, по ней и жили.

Течёт время, меняются люди, иное приходит на смену старине.

Новые слова, новые представления. Были поляне, древляне, россы, дреговичи, бодричи, кривичи, россавичи, все – славяне. Почему славяне? А потому, по правде жили, богов славили, вот и прозвались – славяне. Теперь забывают, кто россы, кто кривичи, кто поляне, все – славяне-русичи. То древняя старина, как дошли мы до Днепра. У одного людина, именем Богу-мир, и жены его Славны были три дочери да два сына. И от чад сих пошли роды – поляне,

древляне, кривичи, северяне и русы. Потому как имена им были – Полева, Древа, Скрева, Сева и Рус. Русовы внуки все были рослые, чистые лицом и храбрости великой. Много биться довелось русам и с германцами, и с готами. И враги их уважали их, говорили про русов, что те сильны телом и духом. Пощады в битвах русы не просили, и лучше им было заколоть себя своей рукой, чем в полон идти. И этому удивлялись враги их. И хоть сильны и храбры были русы, но много их в сечах полегло. Тьмы врагов у русов были, и не давали те враги русам жить мирно. Мало становилось русов, под корень уничтожали враги род их. И стали приставать русы к другим родам славянским, что жили по Прави Свароговой. Людии же, видя, как мудры, сильны и храбры русы, ставили их старейшинами. И, глядя на своих старейшин, все люди, что Правь чтят, восхотели прозываться людьми русьскими, потому как руський есть сильный духом. А что от варягов-русь мы пошли, то неверно. Так лживые бояре мыслят, дабы над простой чадью возвыситься.

А славяне пошли вот откуда. Давным-давно, за тысячу лет до Александра Двурогого и Германареха, сошёлся Перун с дочерью Днепра Росью. Родила Рось Дажьбога, Перунова сына. Дажьбог сошёлся с Мареной. Родила Марена двух сыновей – Славена и Скифа. А Жива родила от Дажьбога Кисека и Орея. И от Орея пошли Кий, Щек и Хорив. И Сварог, Дед наш, старший из Рода божьего, сказал Орею: «Сотворены вы из пальцев моих. И будут про вас говорить, что вы – сыны творца, и станете вы как сыны творца, и будете как дети мои, и Дажьбог будет отцом вашим. И вы его должны слушаться, и он вам скажет, что вам иметь, и о том, что вам делать, и как говорить, и что творить». И потому почитаем мы Дажьбога, как отца нашего.

Славен пошёл на север, и на реке Мутной выбрал место для славян, что шли с ним, и поставил город свой – Славенск. И было то, когда Александр Двурогий воевал персов. Могутнел город Славенск, а реку Мутную славяне назвали Волховом, по имени Волхва, старшака Славена, мужа вельми мудрого.

И пошли роды разные. Славяне, что на Роси поселились, назвались россами, по Праматери своей – Роси. Поляне же жили у Днепра на горах, в лесах дремучих, выжигали поляны и сеяли на них хлеб. Сюда пришли Кий, Щек и Хорив. И поставили братья город, и назвали по имени старшего – Киев.

Много воды утекло, и пришли злые степняки – хазары. Долго, не одно колено днепровских славян билось с ними, но тьмы было хазар, и сила сломила силу. И стали платить славяне хазарам дань, и пресеклось колено Кия, потому не хотели хазары, чтоб у славян был свой князь. А росские слобожане-вои не покорились хазарам и ушли к Варяжскому морю. А с ними некоторые из других родов – дреговичи, древляне и другие. И стали россы варягами и прозвались варягами-русью. Не смешались славянские варяги со злыми нурманнами, говорили на славянском языке. Славили славянских богов, а более всех – Перуна. До Славенска хазары не достигли. Другая беда пришла в город Дажьбогова сына. Зловредные нурманны пришли в Славенск, пограбили, пожгли. Доверчивы были славяне, привечали гостей иноземных. Гости нурманнские захватили вымолы, начали сечу, а тут и дружины викингов по Волхову через Нево-озеро подоспели. Не стали славяне жить на пожарище, построили Новый город, а с тех пор на Волхове, у Нево-озера поставили город Ладогу и держат дружину новгородских кметов, что роту городу принесли.

Креп, могутнел Новый город, вокруг Детинца жители в посадах селились, обнесли тыном от непрошенных гостей, по Волхову пригородки появились. Много князей в Новгороде было, и над всеми князьями, как и над боярами, людиями, вече стояло. Как вече решит, так и делалось. Ежели князь неугоден Новгороду оказывался, такого князя новгородцы провожали, а князем ставили кого другого из княжеского рода, сына ли, внука. Это делалось по Прави, закону Сварогову, так волхвы учили. И не всем князьям то любо было. И вот на Гостомысле, сыне Бури-воя, пресекалось колено княжьего рода. Сын Гостомысла погиб в сече с нурманнами, а больше сынов у князя не было, а была дочь, именем Умила. Порядок же такой, что сын должен кня-

жить, дочь же не может. Пригорюнился Гостомысл. На нём кончается род Славена. И вот приснился Гостомыслу сон, про который старый князь не знал, что и думать. А сон тот был про Умилу, дочь его. Пошёл князь к волхвам, рассказал про сон, про Умилу. Волхвы же растолковали князю про Умилу: «от сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его». Обрадовался старый князь, что продлится род его, и выдал дочь свою Умилу за Годослава, князя славянского племени бодричей. Родился у Умилы сын, и назвали его Рарогом, что есть священная птица бодричей сокол. Подрастал Рарог. И учил Годослав, отец его, ратному делу. Очень нравилось то Рарогу, и превзошёл он в ратной науке многих воев. Но повоевал бодричей Готфрид Датский, убил и князя, и супругу его, Умилу. А Рарог в ту пору на ловах был. Узнавши, что род его разорён, ушёл к варягам-русь. Ибо те варяги были воями знатными, и то Рарогу по сердцу было. И Рарог варягам по сердцу пришёлся. Был он храбрости великой, и хоть пешим бился, хоть конным, никто против него устоять не мог. И как Рарог был княжеского рода, хоть и молод летами, то и варяги считали его князем. Куда бы ни водил молодой князь свою дружину, хоть на франков, хоть англо-датчан, везде была победа и богатая добыча. И слава про Рарога шла и у нурманнов, и у славян. Дед его, Гостомысл, новгородский князь, стал чинить ковы, чтобы поставить своего внука князем и над Новгородом, и над Приильменьем, и над всей Русью. А людие новгородские жили по Новгородской Правде. И будь ты хоть князь, хоть боярин, хоть гость богатый или огнищанин, а на вече все равны. И боярин, и ковач, и плотник на вече равны, что вече решит, то и делается. И многим князьям и боярам то была заноза. Обидно им было, что и знатный боярин, и простой людин для веча одинаковы. И вот Гостомысл стал подговаривать бояр, чтобы поставить в Новгороде князя полновластного. И указал на Рарога. И сказал, обиды в том боярам не будет, ибо Рарог княжеского рода, его, Гостомысла внук, и значит, Славянского рода. И как вокняжит Рарог в Новгороде, то веча не станет, а будут в Новгороде править лучшие люди к своей выгоде. У Рарога дружина крепкая, и людий новгородских он усмирит. И стали бояре по наущению Гостомысла учинять свары на вече и раздоры меж приильменскими старшинами. И пошли распри в Великом Новгороде, и по всей сиверской земле, и никто замирить меж собой роды не мог. А Гостомысл на вече объявил, что надобно искать молодого, сильного князя, а он уже стар и немощен. Молодой же князь придёт и мир установит. Задумались новгородцы. Рарог в те поры звался Рюриком. На землях, что варяги воевали, многие знатные люди имели имена Рориков и Рюриков, и то Рарогу понравилось, давно с родной земли ушёл, и чужие порядки ему в душу входили. В те поры Рюрик стал так знаменит, что взял в жёны Ефанду, дочь из рода нурманнских конунгов. У Ефанды был брат, именем Одд. Этот Одд возлюбил Рюрика и стал ему как младший брат, и клятву дал беречь потомство Рюрика и сестры своей Ефанды, как своё. По славянскому обычаю Рюрик и Одд разрезали себе десницы, кровь смешали и закопали в землю, и стали братьями. И стал Одд славить славянских богов, паче всех Перуна, потому как Перуну более всех людий князья и ратные люди любы были. И стали Одда называть Ольгом. А отец Ефанды отправил к Рюрику двух ближних бояр своих – Дира и Аскольда, чтобы те оберегали дочь его.

А в Новом городе идут великие распри. Бояре науськивают конец на конец, род на род, и уж лётся славянская кровь. Гостомysl совсем старый стал, сам ходить не мог, под руки водили. Тако пришёл на вече, и такую речь держал. И говорил Гостомysl людям. Надо нам князя призвать, чтобы наряд в Новгороде учинил, и над всей сиверской землёй. Вот есть у варягов-русь такой князь, именовем Рюрик, нашего славянского княжеского рода. Надо его призвать, а я, мол, совсем старый и немощный, и совладать с володением не могу. И так мудро

говорил, что все люди согласились. Всем раздоры надоели, всем от них убыток – и огнищанам, и гостям, и простым людям. Бояре выбрали слов и отправили к Рюрику, звать того на княжение. Слы учинили Рюрику большой почёт и уважение. Рюрик расспрашивал слов о Новем городе, кто в нём правит, каков порядок, богат ли, много ли жителей. Слы про всё объяснили, и про то, что богат Новгород землями и всем, что земля даёт, и жителей в нём довольно. Но не стало порядка в Новгороде, – князь Гостомysl стар, и нет у него сынов, и некому княжить. И про то объяснили, что Рюрик есть внук Гостомысла, потому как мать его, Умила, дочь Гостомысла. И звали слы Рюрика в Новгород, и обещали покорливость его князей воле. Рюрик, подумавши, согласился, только, мол, повременю какое-то время, соберуся. Слы вернулись в Новгород и сказали – скоро будет у нас князь. Гостомysl, услышав тую весть, возрадовался, но наутро помер и внука не повидал.

И вот пришёл Рюрик с варяжской дружиной в Новгород. Боярство встретило князя с великим почётом и всяко ублажало его и ближних его. Раздоры Рюрик прекратил, и тому людие возрадовались. Но вскорости начал князь творить всякие непотребства. Старшим дружинникам из варягов отдал города новгородские на княжение. И стали Рюрик и варяги княжить не по Новгородской Правде, а как в чужеземных странах конунги и князья княжат. В землях, что варяги воевали, конунги, ярлы да князья правили самовластно, вече не слушали. И все людие в тех землях были не вольными, как русичи, а как бы холопами у своих конунгов да князей. И Рюрику такой порядок был люб, и помыслил он также на Руси править. Вече Рюрик не велел собирать, но людие новгородские тому противились. Волхвы же сказали: вече должно править, а князь вече слушать. Потому Рюрик не только вече притеснял, но и волхвов. Потому волхвы решили людий от князя отвратить. И сказали волхвы – Рюрик не по Прави живёт, вече притесняет, а когда у варягов дружину водил, гостей грабил. Сварогов закон того не велит, вече должно править, а гостей грабить никому не можно, русичи по правде живут, а не по княжьей воле. И сказали волхвы – Рюрик не русич, а нурманн, именем Эрик. Но то не верно. Рюрик славянин, бодрич, а дед его, Гостомysl, русич. Но волхвы так сказали, чтоб люди Рюрика не слушали.

Дир и Аскольд в те поры, набрав дружину из варягов и новгородцев, ушли в Киев. Князей в Киеве не было, и кияне дань хазарам платили. Дир и Аскольд сказали – мы у вас править будем, дань хазарам не платите. У нас дружина крепкая, обороним Киев. Кияне дань платить не хотели и согласились. У Рюрика же сын родился, именем Игорь. И сказал Рюрик Ольгу – забирай Игоря и иди в Киев, будешь там князем, а как Игорь вырастет, он князем станет. Ольг пришёл в Киев, сказал Диру и Аскольду – вы не княжьего роду, потому не можете править, – и убил обоих. А киянам сказал – князем у вас Игорь будет, он княжеского, Славенского рода. Пока Игорь вырастет, я буду князем. Я тоже княжеского рода. То была правда. И кияне возрадовались, что будет у них свой князь, славянского рода, и согласились. И тот Ольг много добра киевской земле сделал, и хазар воевал, и ромеев, и злых степняков. Правил с мудростью, по правде, за то прозвали Ольга вещим. А новгородцы, как помер Рюрик, не стали князя звать. Потом, у сына Игорева, Святослава, попросили сына себе в князья. Святослав им младшего, Владимира дал. А с сыном воеводу своего, Добрыню, отправил, тот уем Владимиру приходится. Жил Владимир в малолетстве в Новгороде, а как подрастать стал, учинилась у братьев его усобица. Один брат другого загубил. Забоялся Владимир, ушёл к варягам-русь. Пожил у варягов сколько-то, набрал дружину, вернулся в Новгород, потом ушёл в Киев. В дружину свою и новгородцев взял. Брат его видит, Владимир войной идёт, ушёл в Родню. Владимир Родню взял, а брата убил. Стал Владимир княжить в Киеве и прозываться великим киевским князем. Много непотребств Владимир творит. Жену убитого брата насильно в жёны взял, многих дев также насильно к себе для блуда берёт, вече ущемляет, хочет самовластным князем быть. Нарушает Владимир Правь. Велел Перуна главным богом называть, но старший бог есть Сварог. Сварог русичам закон дал, что Правью зовётся. Велел Владимир Перуну, как нурманн своему

зловредному Одину, человек в жертву приносить. Волхвы сказали – наши боги другие, им кровь человек противна. Триглав не велит на третище кровь человек лить. Что Световит, который есть божий свет, на то скажет? Люди волхвов слушают, не князя. О том непотребстве, что Владимир восхотел учинить, волхвы по всей Руси знают.

Другие напасти на Русь надвигаются.

Ольга, жена Игоря, бабка Владимирова, в Царьграде греческую веру приняла, в Киеве церкву поставила. Сына своего, Святослава, к греческой вере склоняла. Говорила – греческий бог сильный, всемогий, нет кроме него богов. Кто христианство примет, покается, вечную жизнь обретёт. Святослав сказал на то: я от дидовской веры не отступлюсь. Много бед греки-ромей Руси принесли. Воевал их и Ольг вещей, и Святослав храбрый. Притихнут – и опять за старое принимаются. Сами не воюют, так ковы чинят, степняков натравливают. Лживы, кровожадны ромей, до чужого добра охочи. Сами лживы, и бог у них таков же. Триглав учит: живёшь на Руси – Правь славь, а богов славь, которых хочешь, которых диды твои славили, или сам хочешь. Будешь Русскую Правду славить – никто тебя на Руси не обидит. У греков не так. У греков, кто их бога не славит, а славит да не по патриаршей воле, тем головы рубят, на кол сажают, кости ломают, на кресте распинают, в порубах измучивают. Боги русичей самые лучшие. Нурманнский Один кровь человек алкает, греческий Иисус золота хочет, много золота, чтобы церкви его изукрасить. Кто ему не покоряется, тем велит всякие мучительства творить. И не велит греческий бог вечу быть, а только князь. Чтоб все люди по княжьей воле жили, а не по Правде. И не могут люди с князя за непотребства спрашивать, а только он, бог. Сколько ромейские басилевсы зла всякого людям делают, кто с них спросил? Не нужен русичам такой бог. Придёт греческий бог на Русь, много зла принесёт. Пойдёт русич на русича, брат на брата. Потому как не станет Правды, а будет только княжья воля.

Так мыслил Колот, хранильщик славненского святилища.

Глава 2

1

Поход завершился удачно. Ятвягов разгромили наголову. Своей крови в походе пролили мало. Больше выпили надоедливые крылатые кровососы, от которых житья не было. Ехали конно, лесами. В Турове в лодии погрузили богатую добычу, раненых отправили по Припяти в Днепр, там в Киев, с собой вели полон. Князю пожелалось заглянуть во Вручий, оглядеть земли. Во Вручие боярин Творимир встретил хлебосольно, дал князю с дружиной обильный пир. Отдыхали два дня. Князь не сидел без дела, проверил списки, что представил боярин, поглядел детинец, городские кромы. Посмотрел и богатство Вручия – раскопы слоистого глинистого камня. Обсыпанные красноватой пылью людины встречали князя почтительно, с улыбками. Но и это не понравилась Владимиру, кланялись не земными поклонами, а малым обычаем, кукули скидывали словно нехотя, да и не все.

Кметы ехали вольно. Кто подрёмывал в седле, иные затягивали песню, другие перешучивались, добродушно зубоскалили над каким-нибудь недотёпой, нечаянной промашкой потешившим товарищей своих. Кровавая работа, походные тяготы заканчивались, впереди ждал отдых и пиры. Лишь гридни, ехавшие дозором впереди и позади князя, держались сторожко.

– Что сумной, княже? Что за желя тебя точит? С победой едем, радоваться должен. И-эх, в Киев вернёмся, веселие закатым. Ну же, развеселись.

Добрыня, уй, дядька, телохранитель, наперсник, воевода, всё в одном лице, сверху вниз глянул в лицо своему повелителю, племяннику, подопечному. Владимир поморщился, отвёл взгляд.

– Так, пустое. Дай обмыслить. Потом поведаю.

Сердце Владимира точил презлой червь неутолённой мести. Весть, принесённая послухом, взъярила, ослепила разум. В походе отодвинулась в сторону, даже забылась. Теперь, на возвратном пути, поостыв, Владимир с холодной расчётливостью изыскивал верные способы отмщения.

Насмешки, явные от братьев, нянек, скрытые от верхних бояр, выпавшие на его долю до отъезда малолетним княжичем в Новгород, навсегда сделали самолюбие болезненно ранимым. Воинственного отца, постоянно пребывавшего в походах вдали от родного гнезда, знал мало, видел урывками. Мать самовластная бабка постаралась отдалить от сына. Исполнив задуманное, соединив в браке древлянский и киевский княжеские роды, княгиня Ольга, несмотря на взрослого сына, заправлявшая киевскими делами, отодвинула на задний план новую великую княгиню, едва та произвела на свет княжича. Чем объяснялось холодность старой княгини к бывшей милостнице, знала лишь сама старая княгиня. Причиной, возможно, послужил отказ Малы, тогда ключницы Малуши, перейти в христианскую веру вместе со своей повелительницей. Самой бабке, с головой ушедшей в государственные и религиозные дела, затем тяжело заболевшей, было не до младшего внука. До того как перейти под присмотр дядек, Владимир полностью находился на попечении мамок и нянек, для которых его мать, урождённая княжна и великая княгиня в замужестве, оставалась такой же рабой, как и они сами. Сын же её был для них не княжич, но робичич, о чём они со злостью и насмешками напоминали ему при первой возможности.

Отправляя младшего сына князем в Новгород, Святослав назначил ему в опекуны Добрыню, своего верхнего боярина. Малолетнему князю требовался не просто дядька, но разумный и верный наставник, способный рассудительно володеть землёй. Был боярин проверен и в кровавых бранях, и в хмельных пирах, в дни побед, и в дни испытаний. То само собой. Смот-

рел князь-отец на годы вперед. Боги наделили боярина прозорливым умом, способностью к верному расчёту, в чём князь не однажды убеждался на советах. И не чужим был боярин княжичу, матери приходился родным братом. Уй любил молодого князя, как собственное чадо, что не могла скрыть внешняя суровость.

Достигнув двадцати одного года, для князя возраст возмужалости, Владимир по-прежнему во всех делах полагался на Добрыню. Уй был для него не только добрым советчиком, но живым оберегом. В отличие от отца, Владимиром не владела потребность в сечах. Другое было любо молодому князю. Да и уй не уставал повторять: «Твоё дело, княже, Землю устраивать. В походы ходить – на то бояре, воеводы имеются». Вправду ли так думал, или из гребты оберегал князя, неизвестно. Как ни сторонился Владимир рубки, приходилось обнажать меч, ибо так повелось у русичей, что князь ведёт дружину в битву. Потому обучил Добрыня князя в малолетстве и конному, и пешему бою. Учил по всей строгости, и с синяками, и с шишками. Иначе нельзя. Жалость в ученье бедой в кровавой сече обернётся. Злой степняк рубит без жалости. Хотя и не любя была Владимиру кровавая забава, да князю без неё не прожить. Рядом всегда находился верный опекун, один стоивший двух десятков опытных кметов. В сечах Добрыня укреплял щит на спине, обученным кономом управлял коленями, бился обоеручь лёгкими однолезвийными мечами. Мечи лёгкие, да сталь крепка и рука тяжела.

В веселиях, как и в сечах, Добрыня был рядом. Пил за троих, а голову имел ясную. То немаловажно, во хмелю всякое случалось.

И сечи, и веселия, то всё на виду, то всем ведомо. Был Добрыня советчиком и в иных, скрытых от людских глаз делах. И в володении Землёй, в сношениях с ромеями, Корсунем, ляхами и прочими, разумное слово рёк. Верный Добрыня не воевода Свенельд, что двух князей, деда и отца Владимирову пережил.

Хотя был Добрыня и верным опекуном, и добрым советчиком, и надёжным оберегом, сокровенных помыслов племянника не ведал, лишь догадывался, что ворочается в потёмках Владимировой души.

Шесть лет тому назад охватил князя непреодолимый ужас перед братом Ярополком. Оставив Новгород, ушёл с дружиной, да где там ушёл, бежал без оглядки к варягам. Что тогда было взять с него, безусого юнца, насмерть перепугавшегося старшего брата. На самом деле уход из Новгорода проходил под руководством Добрыни. Добрыня не бежал, но отступал, дабы накопить силы для дальнейшей борьбы. Но память Владимира запечатлела его собственные переживания. Тот испуг не простил и брата жестоко покарал, и готов был карать всякого за один намёк на своё малодушие. Отомстив полоцким князьям за оскорбительные речи княжны, ставшей первой женой его, покарав брата, был смертельно уязвлён варягом, неким Буды.

Отправляясь брать Киев, позвал Владимир в дружину варягов, пообещав щедрую награду. Столец великого киевского князя Владимир занял, да кун, дабы расплатиться с варягами, не заимел. Упросил молодой князь наёмников обождать месяц, пока наберёт нужную сумму. Прошёл месяц, опять обождать просит. Не мог князь собрать столько кун. Ещё месяц прошёл – то же самое. Раздосадованные варяги верхи въехали в теремной двор. Один из них, именем Буды, не слезая с коня, так глаголил стоявшему пеши великому киевскому князю:

– Се не твой город, княже, а наш. Что за князь ты, не можешь войску заплатить? Не заплатишь – сами возьмём. Не сомневайся, на твою убогость оставим тебе.

Безродный наёмник говорил князю оскорбительные речи, сидя на коне, что ещё более усиливало унижение. То видели и слышали гридни, бояре. Возможно, варяг произнёс те слова в запальчивости, не придавая им второго, потаённого смысла, но для Владимира главным был скрытый смысл. Не он, князь, правит и владеет городом, а они, наёмники. Он же, как нищерброд, живёт от щедрот их. Юный князь, чей дед и отец правили Киевом, а через Умилу, мать прадеда, вёл род от легендарного Словена, стерпел оскорбление, ибо нечем было ответить варягам. Стерпел, но не забыл. Самые задиристые, неуёмные варяги, а с ними и Буды, ушли слу-

жить византийскому базилиевсу. Юный князь отправил в Царьград тайных послов с пожеланием никогда более не видеть тех варягов на своей земле. И базилиевсу советовал не держать наёмников при себе, а отправить подальше на рубежи Империи. Да отмахнулся могущественный базилиевс от советов киевского князя.

Хитрый и лстивый пролаза Мистиша Кисель донёс, вернулся тот Буды зализывать раны. Мало что сам поселился в Киеве, семью привёз. Поселился не где-нибудь в посаде, на Горе. Владимир зубами скрипел, представляя, как наглый варяг расхаживает по своему городу. Теперь он не желал тому быстрой смерти. Что смерть? Краткий миг перехода из Яви в Навь. Нет, возмужавший и крепко утвердившийся на киевском стольце князь желал видеть, как оскорбитель корчится в нестерпимых муках, клянёт судьбу и жалеет, что дожил до сих дней, а не сложил голову в сечах.

За сими размышлениями князя и застал вопрос верного воеводы.

Некоторое время всадники ехали молча, каждый, погружившись в свои думы. Владимир разрешил мучивший его вопрос. Лицо приняло торжествующее выражение, полные сочные губы изогнулись в усмешке, глаза сверкнули. Не сдержав чувств, князь натянул поводья, вздыбил коня, по лицу хлестнула дубовая ветка. Заученными движениями Добрыня послал коня вперёд. обнажил меч. Глаза воеводы рыскали по лесной чаще. Ехавшие впереди гридни изготовились к схватке.

– Ты что, Добрыня? – князь засмеялся, глядя на переполошившегося уя. – Ай почудилось чего?

Добрыня, поняв ложность тревоги, вложил меч в ножны, успокоил коня, махнул рукой озиравшимся в недоумении гридням.

– Чудной ты, княже, – пробормотал воевода, занимая своё место.

На дороге, стеснённой молодой порослью, едва могли уместиться два всадника, едущих рядом. Над головой, закрывая солнце и превращая дорогу в закрытый со всех сторон длинный лаз, смыкались ветви дубов, ясеней, грабов. Дорога была не торной, путник встречался изредка. Главный торговый путь пролегал по Днепру, оттуда в Припять ли, волоком в Вазузу и Волгу, в Ловать ли. Чаще путникам встречались звериные тропы, пересекавшие человеческий путь. На влажной земле оставались отпечатки острых копыт оленей, раздвоенных копытца кабанов. Само зверьё не попадалось, – распугивал передний дозор, ехавший версты полторы впереди. Лишь ребячливые векши с любопытством поглядывали на всадников.

Добрыня не догадывался, что своим хохотком о предстоящем веселии подтолкнул князя, терзавшегося осознанием неотомщённого оскорбления, на хитроумную задумку.

Дружине, да и самому себе, как водится после брани и удачного похода, устроить щедрый, богатый пир. Себе пир, а богам требы. Да требы такие же щедрые, что и пир. На этот раз он настоит на своём, понадобится – разгонит несговорчивых волхвов, а добьётся своего.

2

С волхвами, служителями богов, едва Владимир сел на отцовский столец, тянулись нескончаемые распри. Как и прадед, страстно, едва не до затмения разума, желал Владимир самовластья. Самовластья полного, чтоб никакие веча, сходы людинов не могли перечить, тем более диктовать свою волю князю. Устанавливать собственное самовластье надлежало издалека, начиная с замены верховенства среди богов. Так обговаривали с Добрыней. Обсуждали способы укрепления княжеской власти, потаённые мысли Владимир не высказывал, да уй-всевидец сам о них догадывался. Как князь стоит над Землёй, так княжеский бог Перун должен стоять над всеми богами. Повелел князь поставить на холме, близ теремного двора, новое святилище, с храминами, с пятью богами. Над всеми же богами – среброглавого, златоусого Перуна. Капь Велеса не велел в новом святилище ставить. Велес – заборона людей, кои от

княжьей воли бегают. Ещё повелел князь приносить в жертву богам не только животину, но и человеков, ибо кровь младенцев, не растративших жизненную силу, несёт эту силу богам и владыкам людей. Людины же, видя такие требы, поимут великий страх перед богами и владыками, которым те покровительствуют. Были тягостные ночные бдения с седовласыми волхвами, наполненные бесконечным препиранием, ратованием словами. Не желали волхвы превозносить князя, аки бога. И Перуна возвышать над всеми прочими богами не желали. Приносили ведуны дощечки с непонятными письменами. Читали по дощечкам великую тайну про Матерь Сва, про битву Правды с Кривдою. Читали про то, как мир окутывала тьма кромешная, а Род был заключён в яйцо и был семенем непророщенным. Поведали, как родил Род Любовь – Ладу-матушку – и силой любви разрушил темницу. Все боги, и Небеса, и Поднебесье, и человеки суть Род. Род всему начало, от него всё пошло. Сварог же бог-отец, сын Рода, а Перун сын Сварога, и Световит – свет божий. Все трое суть Триглав, потому не может Перун возвыситься над Сварогом и Световитом. От великой тайны буйну княжескую головушку окутывал морок. Прослышав про необычные жертвы, требуемые князем, стучали о пол посохами, ажно терем тряся, брызгали слюной, жгли глазищами. То нурманнский Один человечесьей кровью питается, русские боги не такие. Не приемлет ни Триглав, ни Дажьбог, коему Сварог повелел русичам повиноваться, человечесьей крови. Коли прольётся кровь в святилище, великая беда на Землю придёт, ибо отвернутся боги от русичей.

– Людие должны повиноваться князю. Князь же должен блюсти порядок на Земле по Прави, по Руськой Правде. По Руськой Правде даже убийц смертью не карают, а виру накладывают, лишь мстѣникам не возбраняется убийцу жизни лишать. Как же можно невинных убивать? Князь должен слушать мир, а не своё самовластье.

Так говорили волхвы.

Не поладили князь и служители богов, всяк стоял на своём, как камень.

– Нешто смерд, кожемяка, ковач разумеют, как блюсти Землю? – смеялся князь. – То княжье дело, а дело простых людинов исполнять волю князя.

Ишь, хитрецы. Мутят чадь, а князь должен слушать, что глупые людие надумают!

Разделились меж собой киевские волхвы. Несговорчивые ушли в леса, славили Триглава и Дажьбога. Те, что остались, правили службу в новом святилище с пятью капями богов. На вече людины собирались на подольском Торговище у капи Велесу. Знать, Велесу любви были сходки людинов. Но и те волхвы, что славили богов по княжьему указу, последней грани не преступали, кровь человечесью не проливали. Отступился князь. Тогда отступился, а теперь припомнил.

3

– Вели гридням отъехать подале, разговор есть, не для их ушей, – сосредоточенно проговорил Владимир.

Добрыня покосился на державного племянника, – губы плотно сжаты, чело нахмурено. Велел охране отъехать. Теперь от ближнего дозора и гридней, ехавших позади, князя и воеводу отделяли по полсотни саженой. Кроме брехливых соек, весь день сопровождавших дружину, никто не мог подслушать тайную беседу.

– Слушаю тебя, княже, – со всей серьёзностью проговорил Добрыня.

– Варяга Буды помнишь ли?

– Как не помнить, помню, – после паузы ответил прозорливый уй, с быстротой молнии догадавшийся о причине, побудившей Владимира припомнить варяга, и в сердцах ругнувшего чрезмерно усердного Мистишу. – Ныне в Киеве живёт с сыном, жёнка-то померла. Ай слов его поносных не забыл?

– Нет, не забыл, – угрюмо ответил Владимир, процедил сквозь зубы: – Поквитаться задумал.

«Эк, нелёгкая его принесла, – думал Добрыня о незадачливом варяге. – Сам, поди-ка, давно позабыл о тех словах, что князю сгоряча наговорил».

– Как поквитаешься? Вины на нём нет. Без вины карать – варяги возропщут.

– Не возропщут, – отрезал Владимир. – Не от меня кару примет. Слушай, что измыслил. Сам Буды пусть живёт. Живёт и мается, головой о стены колотится. Ночами тоска пускай грызёт, белый свет не мил станет. Через сына его покараю. Помощь твоя нужна.

– Говори, княже, всё исполню, – Добрыня оглянулся, гридни ехали на прежнем расстоянии.

– Нынче хочу я переломить волхвов, заставить принести Перуну человеческую жертву за удачный поход. В жертвы надобно выбрать варяжского сына. Надо заставить волхвов пролить кровь в святилище и для жертвы непременно выбрать варяжского сына. Выбирать-то не я стану – волхвы. Вот такие загадки я тебе загадываю.

Добрыня ехал молча, тербил шуйцей длинный ус.

– Волхвов не трогай, не согласятся. Как станешь с боярами, дружиной готовить требы Перуну за удачный поход, пускай бояре, за ними и старцы, рекут: «Метнём жребий на дочерей и сыновей наших, на кого падёт, того зарежем богу нашему!» Жребий метать и жертву приносить Мистишу поставим, – со злорадным хохотком добавил: – Сделаем его главным волхвом.

Невзлюбил Добрыня Мистишу, брезгал, за холуя почитал. Да брезгай, не брезгай, а державным людям без холуёв не обойтись.

К Мистише, сыну воеводы Свенельда, отношение сложилось двойное, особое. Самого Свенельда Владимир корил в смерти деда, убитого древлянами. Кабы не жадность варягов, набравших дани более князя, не возропцала б княжья дружина. По прошествии времени лик варяжского воеводы стал зловещим, почернел. Нет, не оберегом служил Свенельд киевским князьям, но презлым колдуном, чарами своими толкавшим князей на гибель. Ярополк пошёл на Олега, поддавшись упорному Свенельдову науськиванию. Гибелью Олега завершилась та распря. И смерть отца окутывал мрак. Почему отец погиб, а верный воевода, ходивший с князем в походы, вернулся в Киев целым и невредимым. Не он ли сам и помог печенегам? Что убийство Святослава свершилось на ромейские деньги, то Владимиру было известно. Не перепала ли какая толика того злата и верному воеводе? О том никто не ведал. Прознался бы кто – Владимиру непременно донесли. Сам Владимир по малолетству, может, и поверил Свенельдовым объяснениям, которые знал в пересказе, если бы не уй. Добрыня, узнав про обстоятельства смерти князя, грохнул кулаком, мало стол не разломился. Чтоб Святослав да так глупо в печенежскую западню попал? Видно, заманил кто-то. Кто? Не Свенельд ли? Кому князь более всех доверял, как не своему воеводе?

Сбежал Свенельд. Знал: не простит Добрыня ни Искоростеня, ни смерти Святослава. В рассказни о том, как князь Святослав, возвращаясь с Дуная в Киев, почему-то пошёл кружным, а не прямым путём, мог поверить Ярополк, никогда не участвовавший в отцовских походах. К Добрыне же с такими речами и подходить страшно.

Свенельд давно ушёл в Навь, а младший сын его, Мистиша, тут, при князе. Бывало, призадумывался молодой князь над загадочной отцовской гибелью, накатывали мутные волны гнева. Поквитаться бы с сыном за отцовское коварство. Волком посматривал в это время на Мистишу. Но не поднималась рука на верного пса. Не обойтись князю без Мистиши. Услужлив, покорен тот, не то что слова, невысказанные желания на лету схватывает. Берётся за такие дела, которые другой, как бы ни был верен князю, не исполнит, побрезгует. Мистиша же всё исполнит, всё сделает. Исполнит и с усмешечкой доложит. Улыбочка-то – не поймёшь какая. То ли верен князю до последнего издыхания, всё понимает, все тайные желания, и готов ради

князя в дерьме вывалиться и муки принять. То ли ножик засапожный на князя выточил, приготавливал и думает, – что ни делай, хоть ужом на сковороде вертись, а не уйдёшь от меня.

Подъехал гридень из переднего дозора, доложил:

– Впереди ручей, голомя.

Воевода кивнул.

– Добре, там днёвку и устроим. Передай десятиннику – оглядеть всё.

Дорога пошла под уклон, вскоре достигла лесной луговины, заросшей высокой, по пояс травой. Ниже, меж ольшаником, поблескивал ручей. Солнечные лучи заиграли на доспехах, металлических бляшках конской сбруи.

Гридни устраивали становище, разводили костёр. Вереница вершников растекалась по лесному лугу. Дружинники прыгивали наземь, кони тут же тянулись к траве. Пешцы валились на землю. Поляна наполнилась гомоном, конским ржанием. Владимир спешился, разминая ноги, прошёлся по ромашковому цветнику. Воздух, густой от запаха трав и зноя, наполнился жужжанием пчёл, шмелей, стрёкотом кузнечиков. С могучих дубов, росших на опушке, на всю округу разносился гвалт сорочьего дозора. Владимир посмотрел сквозь растопыренные пальцы на жаркое солнце, ушёл в тень разросшейся лещины, где гридни поставили сидельце. Добрыня послал молодого гридня к обозам с полоном. Посланец пропал надолго, когда вернулся, Владимир заканчивал полдничать.

Обозы отстали, придут не скоро, у передней телеги со скарбом полоняников сломалась ось, дорогу загрозила, ни проехать, ни объехать.

– Ну и дороги у нас, – фыркнул князь, отставляя чашу с квасом. – Надобно замостить, как улицы в Новгороде.

– Есть дела и поважней, – возразил Добрыня. – Подождут дороги. Рубежи на полдни от степняков никак не наладим.

– Полоняников отправлю. Валы насыпят, домой отпущу.

– Сколько его, того полоня? За десять лет не управятся. Степняков каждое лето ждём. Там много людей надобно. Ты с сивера угличей, кривичей пересели на полдень.

– Добром-то не пойдут, разбегутся.

– А ты льготу дай, – наставлял воевода. – Освободи от дани лет на пять, они за два лета управятся.

– Подумаю, – недовольно ответил князь.

Предложение было дельным, и задача решалась довольно просто. Как сам не додумался...

– Там бы не только валы насыпать, – продолжал Добрыня. – Городки новые ставить, с городницами, вежами. Много людей надобно.

– Сказал же, подумаю, – раздражился князь.

Владимира занимал уже другой вопрос. Думами был в Вышгороде. К кому идти – к гречанке, чехине? Или съездить в Предславино к строптивой Рогнеде? Или же попервах найти усладу с юными полонянками? Князь склонялся к последнему.

Добрыне не давала покоя задумка князя. Столько дел на Земле, а тот старые, всеми забытые обиды вспоминает. И не отговоришь же, упрям, как бабка и отец. Только у Святослава упрямство на иное направлялось.

После роздыха, тронувшись в путь и оставшись с князем наедине, Добрыня вернулся к тайным разговорам.

– Я про Буды, княже, подумал. Не возроптали б христиане.

– А им что за дело? То наши заботы, не их. На Варяжском море что делается? Попов режут, церкви жгут, людей христианской веры побивают. У нас с попов и волос не падает. Варяжская церква Ильи стоит, и бабкина София стоит. Хоть и глаза мозолят, а стоят целёхонькие. Ни в Киеве, нигде по Руси христиан не трогают. У них свои заботы, у нас свои. Чего им роптать.

– Так-то оно так, княже. Да Буды в греках крестился. В Киев вернулся, и сына крестил. Христиане они. Ай не сказывали тебе? Не отступишься ли?

Так вот почему варяг самому на глаза не попадался. Не в святилище ходит, в церковь. Да и живёт затворником, видно, многолько за свою жизнь невинных душ загубил. Теперь у своего христианского бога грехи замаливает.

Владимир думал не долго.

– Христиане так христиане. Мне до того дела нет. Жребий падёт на варяжского сына. Не возропщут христиане, побоятся. Возропщут – устроим им то же, что руги их единоверцам устроили.

Добрыня вздохнул, более не только не пытался отговорить князя, но принялся обдумывать, как сподручней выполнить державную волю.

Глава 3

1

Текла в Древлянской земле речушка Песчанка, несла свои воды в Уж, словно нитка бусинки, низала сельца и селища. Клонились по берегам ивы, ракиты. Весной одевалась Песчанка кипенью черёмушников. Стояло на отлогом берегу сельцо Ольшанка дворов об тридцати. Избы в Ольшанке по древлянскому обычаю ставили глинобитные, на столбах. Для тепла на десяток-полтора вершков опускали в землю. Вход делали с тёплой стороны – не от улицы, а от речки. Во дворах стояли коморы, одрины, хлевы для скотины, гумна, для хранения зерна рыли житные ямы. К Песчанке опускались огороды – капустники, репники, гряды с прочей огородной мелочью.

Ниже по течению в четырёх верстах от Ольшанки обосновалась сестра-двойняшка – весь Дубравка. В восьми поприщах от Дубравки лежало вотчинное селище Городня. Из Городни на закат дорога вела в бывшую столицу Древлянской земли Искоростень, на восход – в Киев. До Искоростеня набиралось вёрст сорок пять, до Киева же – сто с немереным гаком. Меж Дубравкой и Ольшанкой высился холм, прозванный Красной Горкой. На ровной вершине горушки росли три могучих дуба. В среднем, неохватном, на высоте полутора человеческих ростов на все четыре стороны света смотрели кабаньи челюсти. Здесь, у дубов, находилось святилище. Когда на дубе появились зубастые челюсти, не помнили и древние старики. Торчали они из коры, словно сами собой выросли. На луговине близ холма собирались на игрища меж сёл жители Ольшанки, Дубравки и Городни. На горушке катали писанки – разрисованные яйца, на требище у священного дуба славили богов. Блюли святое место, творили требы три волхва – Путша, Вышата и Градобой. Старшим был Путша. Огнищанину Оловичу, управлявшим вотчиной тиунам Красная Горка пришлась не по вкусу. То была гордыня. Им, боярским мужам, приходилось за десяток вёрст добираться на моления. Но святые места ни князьям, ни боярам, ни их мужам и приспешникам не подвластны. Священное дерево выросло не у Городни, а на Красной Горке. Сам Перун на него в незапамятные времена родией указал. Подступался как-то Олович к Путше с предложением перенести требище к Городне, да после своих святотатственных слов едва не кубарем с Красной Горки скатился.

В Ольшанке у берёзовой роци было своё святилище. В святилище жили старый и молодой волхвы. Старого звали Торчин, молодого – Студенец. Великомудро умельство волхвов. Многие тайны знать надобно, дабы законы божьи соблюдать и советы верные людям подавать, спасать их от всяких напастей. Потому Торчин, коему уж скоро предстоял путь в Навь, третье лето обучал Студенца волховским премудростям. Но не только славить богов на требище ходили люди в святилище. Обитала здесь же потворница Зоряна. Вот к ней-то натоптали тропу и ольшанки, и жёны и девы из Дубравки, случалось, и из Городни прибегали. Многие заботы несла на себе Зоряна. Хотя и считалась потворницей, а и ведуньей приходилось бывать, да мало ли кем. Надобно Макошь ли умилосердить, рожаниц ли, – то Зоряна ведает. На свадьбах без неё не обойтись. И невесту в бане моет, и чашу с талисманом плодovitости молодым подаёт. Лечила Зоряна женские немощи, роды принимала, рожениц выхаживала, к занедужившим детям её же звали. Ежели у кого живот становился тяжёл, силы иссякали, к ольшанской потворнице шли. Знала Зоряна и притворы, и наговоры, и целебные снадобья готовила. Человека квёлого, от немощи едва ноги переставлявшего, могла потворница оздоровить, бодростью, силой напитать, на Купалу, на игрищах меж сёл костёр возжигала. Была Зоряна бездетной вдовицей, умельство своё от бабки переняла. Пока в мужатицах ходила, умением своим шибко не пользовалась, а как овдовела, к волхвам ушла, о людях озаботилась. Торчин

не раз ей говаривал: «Кому умельство своё передашь, Зоряна? С собой унесёшь? То не дело, надобно его людям оставить. Жена ты ещё молодая, крепкая, подумай».

2

Случаются в жизни периоды, словно Ирий с Репейских гор на землю спускается. Ведь что есть Ирий – место, где обитают боги и праведники, коим Сварог даровал вечное блаженство. Обитателям Ирия никто не чинит обид, и жизнь им в радость. В Ирии не случается засух и пожаров, не живут в обиталище богов презлые степняки. Никто не мешает смердам пахать ниву, собирать урожай, косить траву. Иной жизни, как жизнь на земле, со всеми тяготами, заботами, Желан не ведал, и жизнь в раю рисовалась ему подобно земной. Коли в семье все сыты и здоровы, работа ладится и спорится, то, можно сказать, живёт он не на земле, а в Ирии.

Дажьбогов свет наполнял мир. Высоко-высоко, в недостижимой голубизне до боли в глазах сверкало ясно солнышко. Затерявшись в небесной необъятности, словно подвешенная на невидимой нити, висела махонькая серая пичужка, услаждала поднебесье песней мирной жизни. Лето выдалось удачливым. Зимой снега лежали вровень с тыном, на Ярилине день дожди увлажнили и ниву, и огороды, и покосы. Травень не серебрил траву инеем, заморозки не побили вишневый и яблоневый цвет. Травы поднялись сочные, густые, по пояс. С самой русальной недели ведро стоит – коси успевай.

Коса словно срослась с руками, являлась их продолжением. Желан не задумывался над каждым взмахом. Тело, привычное к работе, управлялось само. Рубаха надувалась пузырьком, ветерок стихал, ткань липла к увлажнившейся спине.

Князь ныне ходил в поход с одной дружиной, смердов в ратники не набирал. Князю да дружине какие заботы? С похода вернулись – гульба да веселие, пиво хмельное, меды ставленные да горячие, вина заморские. Чтоб веселей пилось да елось, на то песельники, гусяры, сопельщики да гудочники есть. Смерду же никто вин да медов не приготовит, песнями да гусярами веселить не придёт. Ниву за него никто не вспашет, не засеет, сена не накосит. Приедут княжьи люди на полюдь – всё дай. Хлеб дай, мясо дай, шкуры, мёд, холсты, всё дай. Про то, что сам же князь смерда в поход гонял, про то и слышать никто не хочет. Вот тут и начинается у смерда «веселие». Сам мелицу жуй, а князя хлебом накорми. Нет уж, походами пускай князя сами тешатся, без смердов. Иное дело степняки волчьей стаей налетят. Тут уж и без князя, все людие, и смерды, и ковачи, и ручечники, всякий людин, что русичем зовётся, в ратники идёт. До ольшанских пределов редко степняки достигают. И княжьи пути мимо проходят, и степнякам до древлянской земли далече. Да вот незадача. Вотчинник Брючислав на Ольшанку и Дубравку поглядывает, как лиса на курятник. В Городне вольных смердов в сирот обращает. Как так получалось, Желан не ведал. Вчера был вольный, а сегодня в закупках у боярина. Мало того, что мыто в Киев отдай, так ещё и боярина корми. Князю смерды мыто платят, то понятно. Князю дружину поить-кормить надобно, иначе кто к нему пойдёт. Киев, городки блюсти надобно. Князь – он за всю Землю ответчик. А почто боярина смерды кормить должны? Боярин для себя живёт, не для Руси. Так выходит, смердам что степняки, что вотчинники – всё едино.

Над разнотравьем порхали метелики, отяжелевшие труженицы-пчелы, коричнево-золотистые шмели, мирно жужжа, уносили взяток. Ломило спину, меж лопаток, пот струился по лицу, но усталость была в радость. Усталость оттого, что трава хороша – густая, сочная, высокая. Сена хороши – скотина будет сыта. Как не радоваться? Сзади слышалось равномерное вжиканье – сыновья не отставали. Думы Желана перекинулись на другое.

Эх, хороша земля у русичей! Плодовита – всё растёт, и жито всякое, и зелень огородная. И лес-кормилец пищу даёт. Ягод каких только не вырастает, грибов, орехов. Первый жёлтый лист падёт, не взрослые мужики, дети малые, что только порты носить стали, утку на озерах

добывают. Трудись, не ленись. Всем хватит. Каждый год бы как нынешний. Так нет, то засуха с пожарами, то степняки, побей их Перун, налетят. До древлян не доберутся, другие земли разорят. С пограбленных взять нечего, князь с иных три шкуры сдерёт, а своё поимеет. Лето ныне хорошее. Наступает время старших детей женить. В такой-то год и справлять бы свадьбы. Млава глаголила, Купава беспокойна стала. Поди-ка, выбрала суженого, не признаётся пока. Житовий молчит. Подходит пора, семнадцать минуло. Издали не скажешь, что парень – мужик. Неужто на Купалу никого не присмотрел? Желан сам свою Млаву в волшебную ночь выбрал.

Прокос закончился. Желан отёр с лица пот, позвал сыновей в тенёчек полдничать да передремать жару.

Глава 4

1

Утро червня двенадцатого дня выдалось ясным, безоблачным. Славутич-батюшка надел сверкающий коц. Свежо зеленела листва на осокорях в теремном дворе. Не только усы, но и Перунова голова в рассветных лучах казалась золотой. Радость несло восходящее светило земному миру. Но боги сумрачно взирали на людей, собравшихся на требище. Всё ведали боги. Непотребное творили людие, лжу покрывали божьим именем. Кручинился Дажьбог. Тому ли учил внуков своих? Серчала Макошь-матушка. Гневался Перун-громовик, бог огнекудрый, милосердный, людскими ковами обращаемый в бога жестокосердного, кровавого.

В святилище, кроме волхвов, собрались бояре, старшая дружина, старци градские. Были тут и ближние бояре – Блуд, Путята, Волчий Хвост, Ждберн. Были и те, кто искал милости княжьей, вроде вотчинника Брячислава. Ищущие милости попроворней милостников волю князью блюли. Но ближайший воевода Добрыня отсутствовал. Странно то было. Почитал княжий уй и советчик Перуна более всех богов. Возвысил Перуна над Родом и Сварогом. Своевольных новгородцев к тому принудил. Сегодня же, в день, назначенный богами для отбора треб Громовику, кои приносили через седмицу в его Перунов день, в святилище не появился, уехал с князем в Вышгород. На луговине, рядом со святилищем, бляели согнанные сюда с вечера ярки, мычали тёлки, бычки. Пора приступать к делу, отбирать тучных тельцов для треб.

Блуд поёжился. Ему вершить замышленное, так порешили на позавчерашнем пиру. Решали бояре да дружинники, волхвов на пир не звали. Ишь, Зворун как зыркает, вроде проведаль обо всём. А ну как взъерепенятся божьи люди, гвалт подымут, Перуновым проклятьем пригрозят? Зворун и посохом огладить сподобится. На божьего человека руку не поднимешь. Боярин опасался не битья, что за удар у согбенного семидесятипятилетнего старика? Опасался позора. Добрыня хитрый, всегда напередки лезет, а тут на него указал, сам же из Киева умотал. Боярин не признавался самому себе, хотя в тайниках души знал о том, и та догадка жизнь отравляла, как стыдная болячка, о которой на миру не признаешься. Много крови пролил Добрыня, собственноручно пролил. Да проливал кровь в брани, когда супротивник и меч, и копьё в руках держал. Но на горе врагам и мечом, и копьём Добрыня лучше владел. На безоружных, лежащих меч не поднимал. Он же, Блуд, пять лет тому обманом привёл своего тогдашнего князя Ярополка, брата нынешнего, на мечи служивших Владимиру варягов. И хотя оказал Владимиру хорошую услугу, был им обласкан, стал ближним боярином, князеву ую пришёлся не по нраву. Воротил от ближнего боярина воевода нос, словно смердело от того пропастиной. На пирах рядом не садился, во здравие чашу не поднимал. Если бы не выманил тогда князя из детинца, остался с ним в Родне и сложил голову, может, и почитал бы его Добрыня за доблестного мужа. Да ему-то, Блуду, что с того, ежели б кости его в земле гнили. Хитёр Добрыня, ох и хитёр. Сам марать рук не стал. Растволковал им с Мистишей, что от них требуется, ещё и роту страшную взял. Лучше им самим в Славутиче утопиться, на меч пасть, чем тайну кровавого жертвоприношения раскрыть. Чужими руками волю князью исполняет.

Блуд повёл боязливый взгляд на богов, возвышавшихся во внутренней краде. Среброгловый Перун сурово вперил очи в боярина, Макошь, Дажьбог смотрели осуждающе, с укором. Стрибог и Хорс, стоявшие ошую от Перуна, глядели загадочно, не поймёшь, что на уме. Лишь крылатый пёс Семаргл, притулившийся под ногами Макоши, казался безразличным. Ну так пёс – он и есть пёс, хоть и крылатый. Не бог, а так, боженёнок.

– Чего тянешь? – пхнул плечом Ждберн.

Боярин собрал у подбородка бороду в горсть, пропустил сквозь кулак.

– Бояре, и вы, старци! Слушайте, что скажу! Перун-Громовик благоволит великому киевскому князю, дружине его. Ведомо вам, ходил ныне князь на ятвягов. Вернулся с победой, полон пригнал, много врагов побил. Из дружины же лишь малое число кметов смерть приняли. Потому желает князь со своею дружиною сотворить Перуну требу великую, небывалую. Пожелали князь и дружина его принести в жертву Перуну за великую милость его наикрасивейшего отрока или юницу, какие только есть в Киеве.

Брячислав первый разинул рот, за ним и Путята, и Волчий Хвост, и Ждберн завопили одной глоткой:

– Кинем жребий на наикрасивейших сынов и дочерей наших. Кому жребий выпадет, того зарежем богу нашему.

Знали сии бояре: минет жребий чад их.

Бояре, дружина, старци градские загалдели тут же согласно: «Быть по сему. Кому жребий выпадет, того зарежем богу нашему!» Волхвы заголосили, словно калёным железом ужаленные, закричали прежнее, супротивное, многожды рекомое. Зворун вздел руки, в деснице сжимал посох.

– Что речёте, окаянные!

Брячислав, боров откормленный на двух ногах, иной конь под туловом приседает, напирал грудью на тщедушного волхва:

– Иди, иди, старче! Идите, ярк да тёлк выбирайте. Се наша треба, без вас решим, без вас принесём.

Бояре, дружина крепкими плечами, а то и тычками вытеснили ярившихся волхвов за внешнюю краду. Блуд кивнул Мистише. Тот сунул руку в холстяной мешок. Мешок перед тем потряс, чтоб без обмана было. Нашарив, вытянул вощёную дощечку. Показав дощечку боярам, прочитал скороговоркой одиннадцать имён. Кашлянув, прочитал двенадцатое: «Отрок Иван, сын варяга Буды».

Вчера день-деньской старци градские ходили с сотскими по Киеву, глаголили вполголоса со старшинами, заглядывали во дворы. К вечеру выбрали двенадцатью двенадцать отроков и юниц. Мистиша при свечах выписал имена на двенадцать одинаковых дощечек. Одинаковых постороннему глазу. На одной знак имелся, одному Мистише ведомый.

Из другого мешка Мистиша вынул двенадцать чистых дощечек. Изогнутым писалом начертал на каждом по одному имени. Скидал дощечки в мешок, потряс хорошенько. Бояре, дружинники, старци глядели, затаив дыхание. Вновь пошарила сноровистая рука в мешке. Прикусив губу, жеребьёвщик вынул меченую дощечку, громко прочёл: «Отрок Иван, сын варяга Буды».

– Быть по сему. Бери гридней, скачи к Буды, – велел Блуд, перевёл дух, отёр со лба выступивший пот.

2

Двор Буды находился неподалёку, полверсты едва наберётся, да негоже княжим людям пеши волю княжью исполнять.

Не слезая с коня, Мистиша раз-другой ударил рукояткой меча в тёсанные воротца. Крепко ударил, аж гул пошёл. Во дворе лаем зашлась собака, но людских голосов не слышалось. Мистиша пнул ногой в другой раз, прислушался. Зашлёпали босые ноги, калитка приоткрылась на две пяди. В щели появилась голова с нечёсаными волосами. Серые глаза вопросительно смотрели на гридней.

– Чего вылупился? – заорал Мистиша. – Ворота отворяй. Хозяин-то дома?

– Погодите, – независимо ответил обель. – Сейчас хозяина спрошу.

– У тебя что, бельма на глазах? – взъярился Мистиша. – Не видишь? Княжьи люди мы. Дело к твоему хозяину. Отворяй скорей, пока ворота в щепы не разнесли.

Голова скрылась. Прошуршал засов, ворота растворились. Вслед за Мистишей во двор въехали десяток сопровождавших его гридней. На улице толпились привлечённые шумом любопытствующие мужики, боярские челядинцы из соседних дворов. Из греков варяг вернулся с тугой мошной. Избу справил двухъярусную, с сенями на резных столбцах. По периметру двора располагались рубленые, крытые соломой одрины, клетки. У крайней клетки бесновался волкодав.

– Уйми собаку да покличь хозяина, – распорядился Мистиша.

Хозяин в зелёной ферязи уже показался в сенях. Положив сильные руки на перильца, сурово смотрел на незваных гостей.

– Чего надобно от меня князю?

– Будь здрав, Буды! – насмешливо, глумливо выкрикнул княжий прихвостень, представляя заранее униженные мольбы варяга о пощаде. Усладой бывали такие минуты. – Радость великую тебе привезли, Наши боги выбрали твоего сына. Давай его нам, мы укажем ему дорогу к богам.

Оторопь взяла варяга. Ладони сжали перила, аж суставы на пальцах побелели. Откинулся корпусом назад, смотрел расширившимися зрачками.

– Ай не понял? Боги твоего сына требуют. Отдай его нам! – уже со злобой, распаяя себя перед кровью, выкрикнул княжий угодник.

К Буды вернулось самообладание. Понял варяг, для чего надобен сын нечестивцам. Смерть стояла во дворе, но старый воин не страшился её. Всемогий бог испытывал его, и он с радостью был готов принять муки ради него.

– Почто ж они сами не пришли, боги ваши бесовские? – презрительно спросил варяг. – Пускай придут и возьмут, а вам не отдам.

– Ты что речёшь, богохульник? – ярился Мистиша. – Богам противиться возжелал? Гляди, раздерёт тя Перун родией.

– Ваши боги – истуканы деревянные. Сегодня они есть, а завтра их нету, сгниют деревьяшки. Бог един, и верую я в него. Не отдам сына на бесовское требище.

– Добром не отдашь – сами возьмём. Тебе же хуже будет.

Мистиша словно не понимал собственных речей. Что может для родителя быть горше смерти единственного дитяти? Собственную жизнь с радостью обменяет на жизнь сына. Варяг скрылся в избе. Гости расслабились, считая того покорившимся злой участи. Буды появился в сенях вместе с сыном. Глянув на обоих, Мистиша с досады скривился. Варяг сжимал в руках сулицы, на поясе висел крыжатый меч, отрок держал наготове лук с наложенной на тетиву стрелой.

– Волоките сюда кутёнка, – процедил Мистиша сквозь зубы.

Трое гридней, соскочив с коней, стремглав кинулись к лестнице. С сеней метнулась тень, и пряткий Вышко, коий не мог видеть пред собой чьей-либо спины, и всегда лезший напередки, раскинув руки, повалился на поспешавших за ним товарищей. В шее кмета торчало копьё, кровь хлестала струёй, орошая лестницу, руки, подхватившие враз обмякшее тело. Самому Мистише в грудь ткнулась стрела. Выручила предусмотрительность – под кафтан надел бронь. Толпа ахнула и попятилась к одринам. Раздалась громкая брань, конское ржанье. Мужик в ляжку вцепилась собака. Обезумевший от боли раненный стрелой конь сбросил вершника. Мистиша велел спешиться, вывести коней со двора. Осатаневший пёс издыхал с разрубленным хребтом.

Крепко выругался Мистиша. За убитого гридня перед князем ответ держать придётся, не в брани погиб. Ещё и другой охает, то ли зашибся, то ли ногу вывихнул. Не ожидал хитрец и проныра, что здесь, на Горе, в самом центре Киева, близ теремного двора, кто-нибудь поднимет

руку на княжих людей. Предвкушал насладиться униженными мольбами, стенаниями, а оно вона как вышло.

Неожиданная смерть товарища взъярила гридней. Уже и без понуканий своего временного начальника жаждали поквитаться с варягом. Слепая ярость грозила обернуться новыми смертями. Не на брань отправлялись, ни копий, ни луков гридни с собой не взяли. Буды готовился метнуть следующее копьё, Иван держал наготове лук. Пока по неширокой лестнице взберутся на сени, варяги успеют ещё не одного кмета лишиться жизни.

– Запалить их, что ли? – со злобой молвил Мистиша.

– Что ты, милай? – загалдели мужики. – Сушь стоит, а ну как огонь на другие дворы перекинется?

– За такие дела князь не похвалит, – заметил старший гридень.

– То верно, – согласился Мистиша.

Двор варяга стоял по соседству с боярскими хороминами. Запалишь – и князь не спасёт от боярского гнева. Перемолвившись с десятинником, Мистиша велел пятерым гридням поспоровистой обойти избу, вломиться через окна, мужикам же сказал:

– Вот, что, милаи, слушай меня. Ежели эти бесы ещё хоть одного княжьего кмета завалят, велю палить варяговы хоромы. А ежели беда какая выйдет, скажу боярам: ваши людишки потатчиками князьему ослушнику были, потому и пожар случился. Вам же хуже будет. Помогите нам. Тащите топоры, плахи, шкуры.

Несчастье, пришедшее во двор Буды, сочувствия не вызвало. Варяг для русича – серый хищник. Варяг служит не Земле, князю, и на службе той беспощаден и безжалостен. Трудно, сея зло и обиды, рассчитывать на людскую доброту. Если пришла пора поквитаться с одним из обидчиков, о том, какой он веры, каким богам поклоняется, Перуну, Одину, Христу ли, о том и думать никто не думает.

Дверь из избы в сени трещала. Под сени, прикрывшись от стрел плахами и шкурами, пробрались мужики, рубили топорами столбцы. Ещё одна Иванова стрела нашла себе жертву среди мужиков, но смертный час варягов приближался. Сени качались, готовые рухнуть. Прижавшись спиной к стене, поставив рядом с собой сына, Буды выкрикнул что есть мочи:

– Принимаем муки за Господа нашего Иисуса Христа! Да святится Пресвятая Троица!

Восславив Христа, вместе с сыном запел псалом. Смерть не страшила старого воина, принимавшего муки за Спасителя. Сени рухнули. Мистиша и не пытался удержать от расправы распалившихся гридней и мужиков.

Глава 5

1

Отпировав с боярами и дружиной, Владимир с Добрыней уехали в Вышгород. Здесь веселие продолжалось. Любо было князю вышгородское застолье. Не докучали ненасытные, завидущие бояре. Дружина – иное. С дружиной князь бывал щедр. Вернувшись из похода, делил добычу, и, получив награду, дружинники более не выманивали кун, земельки, леса для лов. Боевые соратники ков друг дружке не строили, совет держали прямой, без потаённых корыстных задумок. До конца пира Владимир не досидел, ушёл в покои. Утром попарился в бане с духмяными травами, грушевым квасом, челядин опрокинул ведро колодезной воды на голову. На люди князь вышел свежий, весёлый, с румянцем на тугих щеках.

Солнце коснулось верхушек вязов, приплюснулось, раздробилось. В гриднице отставили чаши, затянули песню. Владимир в лёгком хмелю откинулся на спинку деревянного кресла, подпевал. Сзади тихой поступью, на носках приблизился служка, зашептал на ухо. Владимир лишь имя Мистиши разобрал, нахмурился. Сгоряча хотел отругать отрока, с каких пор князь должен выходить из-за стола к своим людишкам. Сдержался, дело у Мистиши скрытное, не зря не зашёл в гридницу. Дружинники примолкли, Владимир рукой махнул: продолжайте, у меня, мол, дело своё, особое, вас не касаемо.

Мистиша, запылённый, с виноватым лицом, мялся в проходе, при виде раздражённого князя склонился до пола.

– Не гневись, княже, сам велел сразу известить.

Владимир унял раздражение, и вправду давал такой наказ.

– Говори, всё изложил, никто поперёк не пошёл?

– В святилище всё ладом сделали. Волхвов, чтоб не перечили, за краду вытолкали. Потом наперекосяк пошло. Не отдал Буды сына, на твоих людей, княже, руку поднял.

– Ну? – нетерпеливо воскликнул Владимир. – Неужто отступились?

– Приступом варяга взяли. Избу по брёвнышку раскатали. Самого Буды и кутёнка его до смерти пришибли.

Выслушав рассказ Мистиши, Владимир рукой махнул. Так или иначе, с обидчиком рассчитался.

– Ладно, умойся с дороги, заходи в гридницу.

Мистиша облегчённо вздохнул, повеселел. Коли князь на пир зовёт, значит, не гневается.

2

Дружинники ожидали князя с наполненными чашами. Выпив мёд, Владимир обернулся к Добрыне.

– Помнишь ли, как печенеги Киев обложили, когда князь Святослав в Переяславце был?

Добрыня отёр мягким убрисом жир с пальцев, глянул на князя трезвым взглядом. Не пропали его слова втуне.

– Как не помнить! Княгиня Ольга, с вами, детьми малыми, едва животы спасла тогда.

– Печенеги-то пришли, откуда и не ждали, не со степи вовсе. И валы обошли, и Рось.

Путь им теперь знакомый. Крепости надобно на том пути ставить, городки с городницами, вежами. Человека бы бывалого сыскать, чтоб места те знал. Валы – что, только заминка, не обойдут, так перелезут где.

– Есть такой человек. С Роси родом, но и по Стугне, и по Ирпеню хаживал.

Владимир в который раз подивился прозорливости уя. Добрыня же подозвал дружинника, сидевшего у другого конца стола.

– Огнеяр! Подь-ка сюда.

К князю приблизился кмет, годами немногим моложе Добрыни. С бритой головы до мочки уха свешивался пук седоватых волос, длинющие усы опускались ниже подбородка. Рыжина основательно вылиняла, подходило время, когда имя Огнеяр можно сменить на Белояр. Кожа лица была высушена солнцем, выдублена ветром и стужей. Левая щека хранила след вражьего железа. Некоторое время Владимир смотрел в глаза кмета. Тот взгляд не опускал, не отводил. Ему ли, сотни раз готовившемуся перейти из Яви в Навь, страшиться разговора, хотя бы и с самим всеильным киевским князем. Князь смигнул, невольно опустил взгляд, усмешкой прикрыв слабинку, спросил:

– Давно ли в дружине?

– Ещё с отцом твоим, князем Святославом, Белую Вежу брал, ромеев рубил, печенегов, всех не упомнишь.

– Доволен ли ты службой киевским князьям?

Огнеяр шевельнул плечом.

– Князю Святославу и злато, и каменя, и паволоки – всё мусор было. Оружье князю было любо. Оружьем я доволен.

– Ты и князю Ярополку служил?

Старый рубака пожал плечами, хмыкнул, не поймёшь, насмешничал над князем, виноватился ли.

– Меня князь Святослав в дружину взял Землю оборонять, вот я и обороню.

Владимир мысленно продолжил за гордеца: «Князья меняются, а Земля остаётся». Святославовы рубаки держались гордо и независимо – под началом самого князя Святослава на брань ходили, а молодой князь в ратном деле пока особых успехов не достиг. Раздражало то и сотников, и тысяцких, но всякий ветеран стоил десятка молодых кметов, потому стоило с ними считаться и не замечать гордыни.

– При князе Святославе был, когда того Куря подстерёг? – Владимир смотрел прищурившись, злобно выжидательным взглядом. Задела князя спокойная уверенность, даже снисходительность, сквозившая в речах и самом облике бывалого бойца, захотелось самому куснуть.

– Нет, в Киеве оставался. Недужил после ран, не взял меня князь в тот раз, дома оставил.

– Ведомо ли тебе, зачем мне надобен?

– Ведомо, князь. Места на Стугне показать.

– А ведомы ли тебе те места?

– Ведомы, княже. Знаю я и Стугну, и бор великий, и топи. Отроком с отцом на ловы ходил. Всё помню. В коих бранях бывал, кого рубил, кто меня рубил, и не припомню, всё смешалось. Как отроком с отцом по лесам ходил, всё помню. Верно, княже, мыслишь. Надобно на Стугне заслон степнякам строить.

Владимир щёлкнул пальцами, отрок наполнил чашу. Князь чашу подал кмету.

– Вот, испей. Будь при мне, из теремного двора не отлучайся. Хорошо сослужишь – награжу. Что ж ты, ещё с князем Святославом ходил в походы, а всё простой кмет?

Огнеяр, не отрываясь, выпил мёд, поставил пустую чашу на стол, вытер рукавом усы.

– Бывал я и десятинником, и сотником. Повыбило и десяток, и сотню мою, – с простотой добавил: – При Ярополке в простые кметы перевели, а с тобой твои люди из Новгорода пришли, – развёл руками. – Так и остался кметом. Благодарствую за честь, княже, из твоих рук чашу принял.

Владимиру опять послышалась насмешка, но в этот раз сдержался, виду не подал, может, почудилось. Мог бы поведать кмет о себе, глядишь, по-иному бы князь на него смотрел, промолчал, посчитал пустым. Прозвали кмета Огнеяром не только за огненные кудри. Как-то на

пиру, уже при Ярополке, когда медов выпили довольно, спросил горячий сотник у хитроумного воеводы, почто князя не уберёт. Слово за слово, из-за стола выскочили, чаши опрокинули. За отца сын Лют вступился. Не вмешайся Ярополк, спор мечами бы решили. С того дня житья не стало сотнику от воеводы. У князя правды искать – пустое дело, Свенельд – правая рука. Ушёл Огнеяр в Чернигов, в Киев вернулся, когда столец Владимир занял, а Свенельд с сыном в Навь переселились. Во Владимирову дружину взяли простым кметом. Годы пометили сединой, добавили мудрости.

Князю прискучила беседа с неразговорчивым дружинником.

– Ладно, ступай, Перунов день отметим, пойдём на Стугну.

За столом уже спорили.

– Городки поставить – надёжнее валов заслон будет, спору нет. Дак в городках дружину держать надобно. А кто её поить, кормить станет? Леший с медведем? Из Киева припасов не навозишься, а там людей – на десять вёрст полтора человека.

Всяк считал своё мнение самым верным, торопился донести до князя.

Поход на Стугну едва не сорвался. Владимир готовился ехать в Киев, отмечать Перунов день, а из Киева примчался вестник. Сам в поту и пыли, конь в пене. Отрок принял поводящего боками гнедка, повёл по двору, гонец склонился перед князем.

– Беда, княже! Радимичи бунтуют. Воеводу прогнали, едва ноги унёс. Сказывали, не посылал бы ты, княже, бояр на полюдь. Ничего не дадут, и от Киева они отпадают, власти киевского князя не признают. Своего князя поставят.

В сердцах Владимир едва не ударил вестника, но тот был ни при чём, не он бунтовал, что велели, то и передал. Добрыня был уже тут.

– Вот те и Стугна, – зыркнул на воеводу князь. – Собирай дружину, выступаем.

– Погоди, княже. Ай мало у тебя бояр-воевод? Путята, Волчий Хвост, Блуд, посылай любого. Князю ли лапотников усмирять? Ай дел поважней нету?

Владимир успокоился. И вправду, чего горячку пороть? Ему рубежи Земли крепить надобно, а лапотников – вон, хотя бы Волчий Хвост усмирит.

Глава 6

1

Вечером, после целого дня в седле на заревском солнцепёке, отдыхали в полстнице, в прохладе. На входе полсть шатра откинули, внутрь проникал свежий ветерок. Зарев не крепень, не червень, солнце село, прохлада пришла, комарьё, мошкара не донимали. В первом нынешнем походе ни на вольном воздухе, ни в полстнице без дымокуров от злобных кровососов житья не было. На пиrowанье в Вышгороде предполагали, восславив Перуна, двинуться на Стугну. Но шибко любил князь Перуна, долго славили огнекудрого бога, опомнились, когда зарев подошёл. Пировали в гриднице, в терему, пировали в холодке во дворе, в тени высоких осокорей. Не в отца уродился Владимир. Тому конское седло было удобней княжьего столыца да мягких лож. В преддверии брани, при виде врага, готовящего удар, хмелел сильней, чем от медов крепких, хмелел да голову не терял. Но кое-что перешло молодому князю от воинственного отца. Был Владимир так же широк и щедр. Не скупясь, поил-кормил дружину, надеялся кунами. Развеселясь, иной раз повелевал привести на теремной двор из Нижнего города, с многолюдного Торговища убогих, сами-то не придут, на Гору не всякого пускали. Да не одного-двух, толпу, всякого, кто на пути встретится. Нищую братию рассаживали за столы, кормили досыта, поили допьяна. Кормили не абы чем, не объедками, потчевали теми же яствами, что дружине выставляли. Князь выводил во двор гусяров, выпивал с нищими чашу. Пили и ели, пели и плясали убогие, славили щедрого князя. Славили в теремном дворе, Киве, по весям и городам, где бродили, добывая пропитание. Ую то любо было. Сам, наезжая в Новгород, устраивал многолюдное веселие. Не только хоромина, улица ходуном ходила. Всяк, кто жажду, голод терпел, у кого душа развеселиться желала, пил-ел на его дворе. Наевшись да напившись, в пляс пускался, песни пел.

Владимир лежал на ложе из шкур, Добрыня сидел на складной скамье. Горела свеча, освещая середину шатра. Лица обоих собеседников скрывал полумрак. Беседа шла неспешно, покойно.

Умели князьи дружинники меды пить, песни горланить, умели службу нести. За то сотники, тысяцкие строго спрашивали, да и перед товарищами позорно в дозоре сплеховать. Юркие ночные зверушки в становище не проскочат. Воевода беседу с князем вёл, а уши держал раскрытыми. В дозорах был уверен, да не за городницами ночуют, в открытом становище, на пути степняков. Потому в мирном шуме – шорохе шагов по траве, негромком говоре у костров, голосах ночных птиц – сторожил посторонние, тревожные звуки – заполошный вскрик, конский топот.

– Говорил с гостем Гюратой, – неторопливо повествовал уй. – Год прожил гость в Царьграде, всё вызнал. И ныне, и на то лето ромеям не до Руси, своих забот хватает. Ромейские смерды от непомерных податей бегут в монастыри. Басилевсам то не любо.

– Монастыри – то что есть? – лениво спросил Владимир. – У нас церкви есть, монастырей нет.

– В монастырях живут мнихи, божьи люди. Есть монастыри для жён, есть для мужей. И жёны, и мужи живут в безбрачии. Богу молятся, то, что всякому людину привычно, называют плотским и считают скверной.

– И девы молодые в монастырях живут?

– И девы, и жёны. Девы – невесты Христовы, мужей не знают.

Владимир захохотал.

– Блядословие то всё! Ромейские попы дев в монастырях для блуда держат, а рекут – невесты Христовы. У меня такие невесты тоже есть.

– В монастырях ныне не до молитв, – перегадив шутки племянника, продолжал Добрыня. – Земель у монастырей много, успевай поворачиваться – ниву пахать, скотину обихаживать, на молитвы времени не остаётся. Не монастыри, а наши боярские вотчины. По ромейским законам в казну церкви дани не дают, басилевсам и попам то не любо. Из-за монастырей у ромеев раздоры. Ещё и болгарский царь Симеон против империи выступает. Себя по своему царскому титулу мнит равным цареградским басилевсам. В граде Охриде своё болгарское патриаршество держит и цареградским попам не подчиняется. Потому забот у басилевсов хватает, не до Руси им. Но и бояре цареградские, и попы, и сами басилевсы шибко злы на Русь, так Гюрата проведал.

– Воно оно как. А ныне есть верный человек в Царьграде?

– А как же. Не сомневайся, княже, упредит. У олешьского воеводы лодия с кметами для того приготовлена.

Владимир потянулся, зевнул, закрыл глаза. Добрыня задул свечу, вышел из шатра. И дружинники, и сотники своё дело знали, но всё же спать укладывался, когда сам ночное становище проверит. Да и не любил воевода в походе в полстнице спать.

2

Высоко в блёкло-голубом небе парил, раскинув крылья, канюк. Вершники остановились в тени дубравы, всматривались вдаль, в неоглядное ковыльное поле, уходившее в знойное марево. Не понять, откуда налетел Стрибожий чадушко, взбрыкнул глупым жеребёнком, колыхнул ковыль, умчался неведомо куда. Огнеяр, сидевший на чалой с чёрной гривой кобылице слева от князя, давал пояснения.

– То Перепетово поле, от самой Роси идёт. Меж Стугной и Росью через Днепр броды есть. Переходи Славутич, выезжай на поле и скачи хоть до самого Киева. Дубравы вершникам не помеха. Добро бы едомой стояли, а рамены хошь справа объезжай, хошь слева. Там, – продолжал кмет, указывая вправо, – верстах в двадцати отсель Ирпень течёт.

– Нет, – перебил князь, – город надобно на Стугне ставить. Ирпень далеко от печенежского хода, так я мыслю. Добро бы против излучины поставить, тогда печенегам никак городка не миновать.

– Верховья Стугны топки, городок на берегу не поставишь. А без воды в осаде долго не высидишь.

– Пождём дозорных. О чём говорить? Для воды колодцы можно выкопать, да город на берегу ставить надобно, – меланхолично проговорил Добрыня и тут же, словно зернь кидал, воскликнул азартно: – Ух ты, узрел-таки!

Канюк, казалось, недвижно зависавший в голубом небе, уже тяжело поднимался от земли. В вытянутых лапах его корчился чуть различимый зверёк. Неспешно, словно лодии в безветренную погоду вверх по Славутичу, в вышине тянулись комки белоснежных облаков. Солнце припекало, тень от дубравы сместилась. Вершники спешили, уселись в тени ясеня, верного спутника дуба. Челядин подал квас, первому налил князю.

* * *

От Стугны донёлся топот копыт. К дубраве подскакал отряд гридней, остановился в десятке сажений. Старшой соскочил наземь, приблизился.

– Топь, княже. И на этом берегу, и на той стороне.

Владимир ударил кулаком по колену. Огнеяр хмыкнул неведомо чему. Добрыня ничего не сказал, покосился сумрачно на самолюбивого кмета. Раздражённо, словно проводник был повинен в неудачном месте, князь спросил:

– Ну и где его ставить, городок этот? Не здесь же, посреди поля.

Огнеяр покусывал стебелёк мятлика, дождался, когда князь угомонится.

– Ниже, от излучины версты четыре ли, пять, сухие места пойдут. А тут сторожи поставить, дозорами стеречь. Сторожи от самого Днепра можно ставить. Степняки появятся, костры жечь дымные. Дым-от в поле далеко видать.

– Поехали! – Владимир пружинисто поднялся, легко вскочил в седло, доезжачий не успел и стремя придержать.

Весело было, отпустив поводья, пришпорив коня, мчаться по степи. Ветер посвистывал в ушах, земля мчалась навстречу. Князь вырвался вперёд, обогнав замешкавшийся дозор. Преодолев неглубокую балку с зарослями боярышника, поднялся на пологую возвышенность, остановил скакуна рядом с раскидистой дикой грушей, осыпанной тёмно-жёлтыми плодами. Привстав на стременах, прикрыл глаза ладонью, окинул взором окрестности. Правый склон зарос шиповником, за колючей лядиной стеной стоял камыш. Далек за ним, очевидно, на самом берегу высились ивы. Слева, верстах в трёх зеленела грабовая роща. Князя окружили гридни. Дозорные, не останавливаясь, рассыпались по полю, ускакали вперёд. Далее ехали шагом. Камышовая чащоба постепенно сужалась, редела, перешла в луговину. Вершники забирали вправо, меж ивами блистала вода.

– Добрые пажити! И сена вдосталь наготовить хватит, – молвил Добрыня. – Вон и бережок.

Ивняк оборвался, взорам предстало русло. Владимир круто повернул к реке. Густая, сочная трава доходила коню до брюха. Князь спешил, притопнул ногой. Почва была сухой, твёрдой. Берег нависал над рекой обрывчиком аршина полтора высотой. Шедший сзади Добрыня нашёл спуск, протоптанный степными обитателями, спустился к воде, сняв шапку, умылся.

– Эх, хороша водичка! – охладив лицо, шею, испив из пригоршней, повернул к князю улыбающееся лицо. Отжав бороду, взобрался на бережок, встал рядом.

Стугна плавно несла тёмно-зелёные воды Днепру-батюшке. Мелкие дремотные волны россыпью множества зеркалаец возвращали солнечный свет в пространство. Противоположный берег, отстоявший в сажнях ста, зарос широколистным рогозом, ольшаником. Справа бурные вешние воды образовали полукруглую заводь, покрытую у берега мелкой ряской. У торчащей из воды коряги мелководье поросло осокой. Вода у коряги забурилась, из волн выскочили и, пролетев по одному-два вершка в воздухе, упали назад несколько серебристых рыбёшек. Добрыня гикнул, потёр ладони.

– Окунь мальков гоняет. Сейчас занаряжу гридней, ушицу изладим, – обернувшись назад, крикнул: – Эй, уноты, у кого поплескаться охота есть?

Через несколько минут десяток гридней, раздевшись до исподних портов и оттого потерявших воинственность и превратившихся в обыкновенных парней, лезли с бродцами в воду. Парни stalkивали друг друга в глубину, брызгались, весело гоготали. Сотник с тронутой седной бородой покрикивал:

– Эй, лоботрясы! Вам только квакуш ловить! Кого орёте! Всю рыбу распугаете. Куда всем гамузом прётесь? По двое на сторону становитесь.

Владимиру захотелось забыть о своём высоком чине, с такими же бессвязными кликами кинуться в воду, вдосталь накупаться, махнуть на тот берег. Но князь сдержал отроческий порыв – забава успеется. Давеча уй мимоходом, не задумываясь, про травы сказал. Обычная заметка кольнула князя. Сам ни про какие пажити, сена и не подумал. В памяти держалась давнишняя беседа. Расхаживал уй по горнице, глаголил назидательно, как бестолковому отроку:

– Ты теперь великий князь, Землёй владеешь. Помни же, Землёй владеть – значит не только подати собирать. Подати собрать – варяга пошли, тот всё выколочит. Землёй владеть – жизнь на ней устраивать. На Земле не только бояре да дружина живёт. Про всех должен помнить: и про смердов, и про гостей, и про мастеров, что кожи мнут, горшки лепят, кузнь куют. От них прибыль. Будешь о них помнить – и они тебя возлюбят, и Земля крепка будет.

Теперь уй уже не говорил с ним так, но подсказывал. И подсказки те не всегда Владимиру по нраву были.

Добрыня уже тянул за рукав.

* * *

Воевода с князем отошли вглубь берега саженой триста. Далеко впереди маячили дозоры, в реке гомонили свободные от службы гридни. Воевода остановился первым, прищурившись, огляделся, притопнул правой ногой.

– Тут и поставим детинец. Большой не надо, саженой по сто на сторону. Посады тоже городнищами и вежами огородим, места-то беспокойные. А знаешь, – упёр руки в боки, смотрел с хитринкой, – назначь-ка воеводой не боярина родовитого, а поставь-ка Огнеяра. Мужик толковый, скотницы свои набивать не станет, тебе будет служить, смолоду так приучен. В ратном деле всё превзошёл: и всякий бой, и как города берут, и как боронят, всё ведаёт. И места ему знакомые. Дружину держать будет крепко. Положиться на него можно, я к нему добре пригляделся.

Владимир безразлично пожал плечами, привыкнув доверяться ую.

– Я не против. Огнеяр так Огнеяр.

Добрыня, сложив ладони раструбом, кликнул кмета.

Сообщение о неожиданном возвышении никак не отразилось на задубелом лице старого вояки.

– Вернёмся в Киев – дам тебе дружину в тысячу кметов, весь полон, что ныне пригнали. Обоз собирай и выезжай тотчас же. Зимовать тут будешь, времени не теряй, – подытожил князь.

– Как городок-то назовёшь? – спросил уй, сам же и подсказал: – Назови-ка Владимиром. Князь подумал, качнул головой.

– Нет. Дойдёт очередь и до Владимира. Пока пускай так останется.

– Как же без названия? – развёл руками Добрыня. – Тогда прозовём Огнеяров городок. После по-настоящему назовёшь.

* * *

Киев встретил князя ухмылками: «Радимичи от волчьего хвоста бегают!» Поджидали радимичи князьего воеводу на реке Пищане. Готовились, готовились, а узрели дружину – и бранный пыл их угас. Дружина только к сече изготовилась, а радимичи уж спины показали, разбежались кто куда. Воевода в Киев не вернулся: остался князью волю исполнять, ловил по лесам бунтовщиков.

Глава 7

1

Заревские дни короче, ночи темнее. Сидел Добрыня за дубовым столом в особой горнице, что приспособил для ночных бдений в белгородском тереме.

Любил Добрыня детище своё – Белгород. Поставил город на берегу Ирпеня. И хоть всё здесь говорило о Древлянской земле, стоял Белгород не на западном, а на восточном, Полянском берегу. В Киеве жили и варяги, противные Добрыне, и тайные сторонники ушедшего в Навь Ярополка. В Белгороде не было ни одного варяга, а дружину Добрыня набрал из любых сердцу новгородцев и родных древлян. И знак в Белгороде был Дажьбогов, древлянский – красно солнышко на синем небе. В Белгороде же Добрыня поселил любимую жену свою – Любомулу Микуличну. В Киеве жила дочь свейского конунга Эрика Сегерсела, женитьба на которой была вынужденной, ради закрепления мира со свеями, когда пришлось оставить Новгород и искать пристанища за пределами Русьской земли. В Новгороде жила третья, из боярышень, – Ростислава. Приезжая в Белгород, днём Добрыня наблюдал, проверял строительство укреплений, валов, коих не было даже в Киеве, а вечером удалялся в светёлку.

На столе – свитки из пергамента, берёсты, писала, изогнутые, прямые, с волчьими головами, ящерами, вощёные дощечки, исписанные и чистые, поставец с тремя свечами.

Таким Добрыню никто не знал. Знали отчаянного рубаку, выпивоху, в которого меды льются, как в дырявую бочку. Ведом был разухабистый гусельник и песенник, певавший старины о молодом князе Годиновиче и его невесте, об удалом гусельнике Садко, а то заводившем срамные песни, от коих собеседники с хохоту покатывались. Добрыня же, старательно выводивший греческие письма на вощёной дощечке, заучивавший на память слова чужого языка, никому ведом не был. Греческому языку воеводу учил уже зрелый годами, но ещё не старый волхв Ставк. Ходил Ставк с гостями в Царьград, в Корсунь, на Дунай, в Болгарию. Привёз домой книги с тяжёлыми пергаментными листами в деревянных досках. В Царьграде любознательный волхв стал обладателем еллинской премудрости, приобрёл размышления христианского премудра Кирилла о правой греческой вере. Да вот беда, вся та премудрость писана на греческом языке.

– На что тебе всё? – допытывался воевода. – Твоё дело требы творить, возле костра плясать, – хохотнул: – По воронам о будущем гадать.

Ставк тоже усмехнулся.

– То пустое. Что ж мы, нешто медведи, из своей едомы и носа не высунем? Человек про всё ведать должен, и про чужую веру тоже. Как иные народы поймёшь, не ведая их обычаев?

– Так спроси попов. Вона их сколько в Киеве развелось.

– Я как проведу, правду станут попы глаголить или лжу? Попы разные, те с Корсуна, те с Царьграда, те с Дуная, все по-разному про свою веру толкуют. Самому всё проведать надобно.

– Так научи и меня. Я тоже хочу всё знать.

– А сдюжишь ли, воевода? Не везде сила нужна, где уменье, а где терпенье надобны.

– Ништо. Я не только меды умею пить.

Взялся Ставк учить воеводу книжной учёности. Да ведь, как бы ни учил, учёность из своей головы не перельёт. Без трудов, бдений ночных премудрость не осилишь. Потому сидел Добрыня при свечах за полночь, ибо хотел понять государственную науку сам, а не с чужих слов. Понять самому и князя и научить. Времени постигать еллинскую премудрость князь никак не сыщёт, ускакал ныне в Предславино.

2

Тяжело даётся грамота зрелому мужу. Голова наполнилась туманом, окуталась морозом. Добрыня встал, открыл косячатое окно, вдохнул прохладный воздух. Небо вызвездило. Словно в громадной, необъятной корчине посыпались искры от раскалённого добела железа, взметнулись кверху, да так и застыли в неподвижности. От сквозняка пламя свечей заколебалось, но воевода оставил окно открытым. Голова устала, переключилась на иные думы, привычные.

* * *

Тринадцать лет минуло, как дал воевода князю Святославу роту, беречь и растить чадо его, быть ему мудрым советчиком и верным защитником. То же и сестре своей, Мале, обещал.

А за одиннадцать лет перед тем, дал слово отцу своему, Малу, бывшему князю древлянскому, в недавнем прошлом любечскому узнику Малку, ежели родится у Малы сын, взрастить из него князя-пастуха, а не князя-волка. Мудр был Мал, знал наперёд: не придётся воинственному Святославу учить сыновей уму-разуму, кому и поручить заботы о чаде своём, как не родичу, жениному брату. Тогда, перед свадьбой Малы и Святослава, спросил Добрыня у отца, знал ли тот, что так будет. Бывший древлянский князь, а ныне киевский боярин, ответил:

– Ведал. О том с княгиней Ольгой сговорено было. Княгиня слово держит.

Вскоре после свадьбы дочери с великим киевским князем уехал старый боярин Мал в село Добрыничи, там и кончил свой век. Лишним он был в Киеве. Его-то и из Любечского училища призвали в Киев, ибо не с руки было великому князю жениться на безродной. Но перед отъездом вёл долгие беседы с сыном. Поведал о своих любечских размышлениях. Думы те были о Руськой земле, как сделать её неприступной для врагов, доброй матерью для своих обитателей. Не волками, рыщущими по Земле в поисках добычи, должны быть князья, но добрыми пастухами. Варяги хороши для брани, но не для государственных дел. Ибо варягу всё едино, что русич, что печенег, что ромей. Варяга собственная выгода заботит, а не устройство Земли. Благоденствие же Земле даёт не добыча с походов, зависит оно от смердов, ремесленников, гостей. Потому нельзя брать с них лишнее, а лишь то, что потребно для устройства Земли. Древлянская земля восстала против князя Игоря, ибо был тот князем-волком и преступил законы. То хорошо поняла мудрая Ольга. И о том говорил бывший древлянский князь, живший в глубине Земли, не защищена Русь от печенежских набегов, и надобно ставить заслоны на пути хищников. Потому жить владетели Земли должны в непрестанных трудах и заботах. Ибо владеть Землёй – значит устраивать её. Ещё отец учил: стал владетелем Руськой земли – забудь, чья кровь течёт в твоих жилах – варяжская, печенежская, ромейская, чешская, ибо с этой поры ты – русич. Коли русич, славь руських богов, более всех Дажьбога. Говорил то отец не по-пустому. Мать Добрыни перед тем как стать древлянской княгиней, была чешской княжной. Перуна отец называл варяжским богом, который благоволит к тем, кто живёт бранью. Прав отец оказался. Не помог Перун Святославу, а помог Свенельду. Святослав был русичем, Свенельд же – варягом. Мысль эта крепко засела в Добрыниной голове.

Сам Добрыня занимал в то время положение в Киеве выше отцовского. Отец уходил в тень, сын возвышался.

Сев на коня, Добрыня через год ходил в старших Святославовых дружинниках, а вскоре стал боярином. Не всем нравилось скорое возвышение княжьего милостника. Свенельдовы приспешники втайне злобствовали, но поделаться ничего не могли. Добрыня пришёлся по сердцу великому князю. Своё место Добрыня занимал не по родовитости, а благодаря уму, прозорливости, сноровке к ратному делу. Уверен был Добрыня, не отправь его Святослав в Новгород,

а оставь при себе, был бы жив по сей день. Ибо не верил Добрыня Свенельду, разгадал бы его ковы. Как он мог верить человеку, требовавшему смерти ему, десятилетнему княжичу.

Давно нет на белом свете ни Святослава, ни Малы. Святослава сгубили печенеги, последняя жена его не на много лет пережила супруга. После вокняжения Ярополка, во всём потакавшего варягам, что явилось причиной нелюбви к нему киян, уехала Мала в дарованное ей село. В первую же зиму простыла и сгорела в седмицу. Не дождалась сестра сына, не видела, как дитя её займёт киевский столец и возвысится над всеми русичами.

Преданность уя державному племяннику на многом была замешана. Не только кровные узы, верность данной когда-то роте, память о преждевременно ушедшей сестре слагали привязанность. Широко Добрыня был не только в веселии. Боярин-вотчинник, коий лишь о своей скотнице да корысти помышляет, из Добрыни не получился бы. Да и не желал Добрыня вотчин. Жизнь скопидома была противна Святославу дружиннику, иное лежало у него на душе. Сел Владимир на киевский столец, и вся Русь, от Ладоги до Олешья, от Буга до неведомого Симова предела, сошлась для Добрыни на нём. Помнил Добрыня мечту Святослава сделать Русь не только соперницей, но и превзойти самую Империю. Что добре великому киевскому князю, то добре и всей Земле, так мыслил воевода. Но и иное ведал. Князь крепок Землёй, народом, что на Земле живёт. Захиреет Земля – не помогут князю ни дружина, ни меч. Ни у кого в почёте не будет, ни перед кем не устоит. Но и людям надобен мудрый князь, не бражник, не пустоголовый кочеток-забияка, чтоб Землёй владел, а не только дани собирал. Не раз вспоминал Добрыня княгиню Ольгу. В самом начале своего киевского житья, когда выгребал конский навоз из конюшен, в лютой мороз, выжимавший у отрока слёзы из глаз, отворял-затворял ворота, крепко ненавидел княгиню. Потом, став дружинником, боярином, после бесед с отцом, подивился мудрости псковской княжны, волею судеб ставшей великой княгиней, правительницей Русьской земли.

Когда пал Искоростень, дружина Игорева, а паче всех Свенельд с варягами требовали смерти и князя Мала, и семейства его, и бояр, и мужей, и дружины. Но княгиня поступила по-своему, смерти предала лишь исполнителей казни своего престарелого супруга, более не пролила ни капли крови. Убедил великую княгиню древлянский князь – Игорь преступил законы Русьской земли и был неправ, прольёт княгиня из мести кровь – навеки древляне станут врагами Киеву. Разве такое надобно Руси?

Приведя древлян к повиновению, княгиня свершила то, что добивался поверженный противник её, что сама уразумела. Объехала Землю, назначила не обидную виру, велела поставить погосты, где собирать ту виру. Более не посылала на полюдьё алчных варягов, противных всякому русичу. Но всё порушил по наущению Свенельда внук её, Ярополк. Снова, словно в завоёванной стране, бесчинствовали на Русьской земле варяги. Теперь руками Владимира Добрыня восстанавливал правду.

Без знания, как Землю устраивать, много схочется, да мало сможет. Читал Добрыня сказы о княгине Ольге, перечитывал писанные мудрой княгиней «Наставления о володении Землёй», желалось и еллинскую мудрость одолеть. Читая сказы о наказании древлян, хмыкал, то для назидания писано. А уж как княгиня воробьями да голубями Искоростень сожгла, вовсе смеялся. Кто ж такому поверит, разве дитя малое. Ну-ка, привяжи человеку на спину пук соломы да подожги, нешто домой прятаться побежит? От боли с ума сойдёт, вопить да по земле кататься примется. Хотелось Добрыне через Владимира Русь укрепить, а через Русь – князя. Для того постоянно при князе надобно пребывать, чтоб шаг без советчика князь-повеса не мог ступить.

3

В кого пошёл Владимир? Иной раз, глядя в глаза сыновца, что синевой соперничали с кресеньским небом, виделась воеводе сестра. Те же сочные губы, румяные щёки. Но Мала была тиха, ласкова, жалостлива. Владимир же скорей коня пожалеет, чем человека. Поит-кормит убогих, блудниц своих щедро одаривает, а всякую обиду помнит, слово кто поперёк скажет, враз вспыхивает. За поносные слова глупой княжны извёл всю семью полоцких князей. Про сказанные в горячке слова пять лет помнил, мечь вынашивал. Ведь не все жёны и девы по своей воле с князем в блуд вступают. Да князь на то внимание не обращает, похоть свою выше чужих судеб ставит. Про мать свою никогда и не вспомнит, где могила её, знать не знает, ведать не ведаёт. Видно, стыдится матери своей. Обличьем же в отца пошёл. И лоб такой же широкий, и подбородок твёрдый. Хоть и бороду носит, да уй с малолетства помнит. Упрям, как отец и бабка. Но отец был прямой, ков не чинил, в теремах не засиживался, седмицами не пировал. Княгиня Ольга Землёй владела, как мудрой княгине подобает, а внука на то подталкивать надобно. Хотеть – многое хочет, да веселия да блуд не дают исполнять задуманное. Неужто в другого деда, князя Игоря, пошёл? Но князя Игоря Добрыня не знал.

* * *

Князь Святослав желал из всех славянских земель, племён построить единую державу, возвысившуюся над Империей. Не удалось то князю, и голову сложил, и дела его прахом пошли. Хазар разгромил, так теперь печенеги Руськую землю зорят. Степь, что раскинулась за Доном, за Волгой, словно кощное царство, вновь и вновь рождает злые, пекельные силы, питающиеся плотью и кровью Руськой земли. Князь Святослав желал сотворить необъятную державу, воевода Добрыня хочет сбить Руськую землю в единое великое княжество, чтобы все русичи видели в киевском князе своего великого князя. Нужна новая единая Правда, уставы нужны княжеские, чтобы людие по княжеской правде жили, за каждую провинность наказание знали. Нынешняя Руськая Правда пришла из досюльщины. Неведомо когда и кем писана, при вещем Ольге, или ещё ранее, при Кие или Словене. В Киеве так толкуют, в Новгороде – по-своему. Уставы нужны, чтоб бояр попридержать. Всяк вотчинник норовит вольных смердов не только в закупов, сирот, а в обелей обратить. Смерд прост, боярских ков не ведаёт, оглянуться не успеет – из закупов в обеля обратился. Какая выгода Земле, князю от боярского обеля? В княжьих уставах надобно так правду изложить, чтобы боярин со смердом ряд без обмана ставил. И уставы нужны, и единый бог для всей Руси нужен. Все русичи должны того же бога чтить, что и князь. Бог должен людинов наставлять князю повиноваться. Бог на небе, великий князь на земле. Не выходит того с Перуном. Князь, дружина превыше всех богов Перуна чтят, людины себя Дажьбоговыми внуками рекут. Упрямые новгородцы Рода забыть не могут. Главное же, не учит Перун покорности князю. Волхвы не князю помощники, смутьянам потатчики, чуть что, грозят князю вече кликнуть. Советчики князю – старшая дружина, то его опора. Дружина за князя стоит, а не корысть свою ищет. Христианский бог учит людей князьям, басилевсам во всём повиноваться, за грехи сам с них спросит. Не тёмных, корыстных людишек дело грехи княжьи разбирать.

В глубине души, вонне того не показывал, Добрыня сам не к Перуну, а к Дажьбогу был расположен, в малолетстве так приучили. Может, ещё и поэтому не ладилось с Перуном, как было задумано.

* * *

«После Софии, есть такая церква в Царьграде, срам смотреть на наши святилища, капи, топором рубленные, дымом закопчённые, дубы с кабаньими мордами. Хоть и тяжко говорить такое, да так оно есть», – так рек волхв Ставк. Может, и правда то, да князь Святослав верно поступил, что мать не послушал. Пустил бы ромейских попов на Руськую землю, и не Киев, а Константинополь Русью владел. По ромейским законам Русь бы зажила. Не понятна христианская вера, Бог один, а славят его всяк по-своему, да режут друг дружку за веру почём зря. У русичей так не принято, из-за богов друг дружку резать, предавать мучительству.

– В Византии, – рассказывал волхв, – попы правят службу по-гречески. В Чехии, и в Болгарии – по-славянски, латиняне – по-латыньски. Греческий и латыньский языки русичам непонятны, им своя вера нужна.

Много историй ведал непоседливый, объятый любостранствием волхв. Сказывал про древний еллинский город Афины. Управляло теми Афинами вече. Афинские людины выбирали посадников, воевод, тысяцких сроком на год. Жили хорошо, в достатке, враги их боялись и уважали. Афинские бояре о корысти своей пеклись, стали ковы чинить, людинов за золото подкупали, чтобы те на вече кричали, что боярину надобно. Перессорились меж собой афинские жители, пошли у них свары да раздоры. Пришли враги и побили их, дань наложили, даже городницы велели срыть. У врагов другой закон был, не вече, а цари у них управляли.

– Вот и я о том толкую, – обрадовался Добрыня нечаянной поддержке своим мыслям. – Не вече, но князь должен Землёй править.

Ставк горько усмехнулся.

– В Византии базилевс – автократор, что есть самодержец. Бог – пантократор, что есть вседержитель. Да разве ж ромейские земли устроены? С половины мира золото, добро всякое в Византию течёт. Видел бы ты, чем питают себя ромейские простецы. На Руси такое только шелудивые, бездомные псы станут есть. Слыхивал, как да о чём на купищах, на вече людины толкуют?

Добрыня хмыкнул.

– Да уж.

– А в Царьграде за такие речи с живых людей кожу сдирают, тело крючьями рвут, в медном быке живьём жарят. По всей ромейской земле стон от непомерных податей стоит. Везде послухи, среди простецов – послухи, и среди бояр, и среди гостей. Только нанятой дружиной да страхом перед мучительством базилевс держится. Чуток ослабнет, тотчас сбрасывают, а на его место другой садится. Обещает много, да делает всё то же. Нешто хочешь такой закон на Руси установить?

– Нет, Руси того не надобно. На одном страхе Землю не устроить, – помял пятернёй лоб, спросил: – Ты столь земель прошёл, свитков, грамот прочёл. Так скажи – кто править на Руси должен, вече или князь, как Землю устроить?

Ставк усмехнулся ещё горше.

– Не знаю.

4

Воевода кликнул челядина, велел принести кислого грушевого кваса с ледника. Босой лохматый парень с опухшим со сна лицом долго тарачил глаза на Добрыню, не понимая, что от него требует неугомонный воевода. Добрыня вразумил затрешиной, отрок тотчас в ум вошёл, кинулся бегом исполнять приказанное.

Испил воевода холодного кваса, пошептал слова чужие. Опять отвлёкся.

Верно присоветовал князю воеводой в новом городке Огнеяра поставить. Не ошибся в кмете, и то радовало. Иной раз век знаешь человека, верный до могилы, не продаст, не предаст. А почует тот верный человек выгоду, славу – и совсем в ином обличье предстаёт. Советовал Огнеяра поставить главным на строительстве городка, а втайне всё же опасался. Из простых кметов да в воеводы, возгордится человек... Но нет, Святославов рубака остался верен себе.

Ушли обозы на Стугну. Новоиспечённый воевода не стал бражничать да пировать по случаю своего возвышения. Стало быть, видел в том не корысть для себя, а большую заботу. На следующий же день по возвращении в Киев взялся за дела. Сам людей проверял. Всяких ремёсел люди на строительстве потребны – дровосеки и землекопы, плотники и печники, кормильцы и ковахи. С первым обозом сам поехал выбрать место для землянок под временное жильё, указать, где дроводель устроить. Вернулся в Киев, опять трудами занялся. Всё проверял: и коней, и лопаты, и тупицы, и топоры, и конскую упряжь, всё, что на строительстве потребно. Князьи дворские, ключники поначалу не шибко признавали нового воеводу, подчинялись нехотя. Огнеяру недосуг было ждать, пока те почешутся. Пожалился князю – волю его не сможет из-за лежекбок исполнить. Позвал князь вечером старшую дружину на пир, при всех повесил Огнеяру на шею золотую гривну. Пошевелеваться дворские стали, новый воевода, что не по нём, и затрещиной мог взбодрить, а рука, привыкшая к рубке, тяжёлехонькой бывала. Только отправив последний обоз с припасами: мукой, солодом, крупами, всяким овощем и скотиной для прокорма, выставил Огнеяр старым друзьям меда да пиво. Похмелялись без него.

Внешне Огнеяр не изменился. Лишь синий коц с большой медной запоной на плече появился на бывшем кмете. Да пользуясь случаем, выбрал в княжьей оружейнице новую бронь и меч. Меч взял не тяжёлый, крыжатый, а однолезвийный, с закруглённым навершием и подогнутыми усами перекрестия, работы новгородского мастера.

Умел Добрыня людей подбирать. Грамоту бы теперь греческую осилить да государственную премудрость превзойти.

И опять мысли к богам возвращались. Как без крепкого бога печенегов бить? От князя Святослава Перун отвернулся и помог печенегам. Печенеги хитры, всякое лето ждёшь их набега. Как же с ними бороться, если на главного бога нет надежды? Не Макошь же на помощь призывать! Дажьбог – покровитель древлян, и поляне зовут себя дажьбоговыми внуками. Новгородцы покровителем считают Хорса, Рода славят, хотя и Перуна и Дажьбога признают. Покровительница смолян – Макошь. Сделать покровителем всей Русьской земли Дажьбога – надобно будет переносить столец великого князя в Овруч, признать покровителем Рода ли, Хорса – ехать великому князю в Новгород. Ибо жить великий князь должен там, где вотчина небесного покровителя. Но согласятся ли на то дреговичи, поляне, радимичи, сиверцы? Киев-то все признают, не начнётся ли распря? Не окрестить ли русичей, не призвать ли на Русь Христа? Христос для всех племён одинаков. Но не лежала Добрынина душа к богу, из-за которого люди льют кровь, предают друг друга жестокому мучительству. Но и без единого бога, которого бы почитали все русичи, не устроить Русь. Как на брань, на врагов идти без надёжного покровителя?

Выбор бога, единого для всей Руси, единого и для смердов, и бояр, и дружинников, и холопов, и гостей заботил Добрыню, как устройство заслона на пути печенегов, как устройство порядка Руси.

Три года назад, исполняя задуманное, велел Добрыня на берегу Ильменя поставить святилище Перуну. Капь Перуну поставили, негасимый огонь возожгли, да только не один Перун в святилище стоял. Для пригляда за воинственным богом поставили тут же капи двух рожаниц, помощниц любого новгородцам Рода. Не все новгородцы задумку Добрынину поняли, а жаль.

В Киеве ещё далее пошли. Старое святилище Перуна убрали, новое поставили. Перуна уважили – и золото, и серебро на капь возложили. Да только не один Перун в святилище власт-

вует. Тут же стоят четыре бога, и крылатый пёс Семаргл примостился. Боги те – покровители земель, кои помогали им с Владимиром свалить Ярополка и Свенельда с варягами. Вроде небесного вече получилось. Понимал Добрыня: не вечно то вече.

Глава 8

Среди новгородских железовцев слыл Добрыга не просто изрядным ковачем, хытрецом. Умельство его признавали не только людие, но и собратья по корчему ремеслу. Новгородцы не заселшина, что только и умеет на овин молиться. Новгородец всякого дива насмотрелся. Торговище у Детинца многолюдно, разноязыко. Свои гости ходят по дальним странам и морям, вместе с заморским товаром всякую всячину привозят, о дивах, на Волхове неведомых. И чужие гости со всего света приезжают торговать. Всему свету известно – в Новгороде гостям обид не чинят. Плати мыто городу, торгуй честно, без обмана, никто не обидит, про то в Новгородской Правде сказано. А выйдет спор какой – старшины разберутся. Иноземные гости и дворы свои имеют – Готский, Болгарский и иные. В тех дворах и живут, и товар хранят. Богатая торговля в Новгороде. Есть что купить, на что посмотреть. Не зря у завидуших нурманнов слюнки текут от одного слова «Хольмград». Ежели признали новгородцы в человеке мастера, то так оно и есть, ибо бывалому новгородцу зубы не заговоришь и глаз не отведёшь. Но особо душу греет почёт от собратьев по железному делу. Они-то ведают, каким умельством надо владеть, чтоб из руды и железные крицы варить, и оцель, чтоб сталить топоры да закаливать мечи, чтоб от удара о другой меч ли, бронь не рассыпался, не раскололся. Взять тот же топор, щековицы подмастерье откуёт, если голова не пустая, а вот сварить, насталить, чтобы топору износу не было, уже умельство надобно. А безмены, замки? Но всё это Добрыге привычно и даже как бы скучно. И хоть держит Добрыга добрую корчиницу и дманицу, и вместе со старшим сыном четверо помощников у него, и поковки, и кузнь его с руками отрывают, богатеньким ковача не назовёшь. Достаток в доме есть. Жене его, которую два десятка лет Добришей зовут, как в отчем доме кликали, только сама помнит, есть где развернуться. Погреб, кладовые всегда запасом полны, и на себя надеть есть что. Для дома – нагольный кожух из овчины, для праздников – крытый, из росомахи. Для дома – обыкновенные поршни, для праздников – мягкие крашенные с плетешками и ремешками. И украситься в праздник Добрише есть чем. Пояс – кожаный с серебряными наузольниками и витой серебряной проволокой, на руки – разноцветные стеклянные и билонные браслеты, на шею – колты со сканью, а уж височных колец, застёжек, подвесок – не счесть, на каждый праздник особые.

Детьми Род Добрыгу не обидел. Сотворили с женой троих – старшего Якуна, которому ныне сравняется семнадцать лет, дочь Резунку, приближавшуюся к девичьей поре, и младшенького – Ставра, родившегося через девять лет после первенца. Дети вышли здоровыми, смышлёными. Дочь, резвущку и непоседу, любили все Добрыгины домочадцы. У подмастерьев, Беляя и Дубка, лица улыбками цвели, когда Резунка на глаза попадалась. А юнота Рудый иной раз сам не свой делался, хотя которое лето бок о бок с девчонкой в одном дворе живёт.

Не мог, не умел Добрыга спокойно жить. Одних беспокойство влечёт в странствия, других в ратные люди, третьи порхают по жизни, словно метелики, ни к какому делу не приспособятся. Добрыгино беспокойство огненной саламандрой жило в горне, дманице. Всякая новь, сколько ни измысливай, ни прикидывай, с первого раза никак по задуманному не получается. Потому хоть семейство Добрыги не бедствовало, и что в рот положить, и чем тело прикрыть, всегда имелось, но с лучшими да нарочитыми людьми ковачу не сравняться. Достаток в дом не только корчиница давала. Молоко, с ним масло коровье, творог да огородный припас: капусту, репу, морковь, лук, то трудами Добриши и помощницы Резунки добывалось.

Глава 9

1

На Масленицу, Купалу славенцы сходились на своём Торговище, близ Великого моста. Рода, богов всех в святилище славили, там же и Новый год встречали. На семик, русалий день девы и мужатицы водить хороводы, берёзки завивать, «русалок» хоронить уходили в лес, на поляны. На Торговище же костры жгли, хороводы водили, песни пели, ряжёные свои действия представляли. Парни, молодые мужики здесь же силой мерялись, иной раз раззадорясь, и те, кто постарше, с сединой в волосах и бороде, в круг выходили. Когда бойцов концы выставляли, летом за Проездными воротами собирались, зимой – на Волхове. Градское ристалище у Великого моста устраивалось, славенское – на своём Торговище.

* * *

В комоедицу имел Добрыга большой разговор с Будиславом, уличанским старшиной Рогатицы. Старшина встал рядом, руку на плечо положил, сразу не заговорил, дождался, когда упревший под медвежьей шкурой парень скинет с себя звериное обличье, зрители над просыпающимся медведем отсмеются, тогда уж речь повёл.

– Дело до тебя есть, Добрыга.

Ковач, смеясь после представления, весело поглядел на старшину.

– Дело так дело. Чего мы всухомятку разговоры разговаривать будем? Идём ко мне, ендову на стол поставим, хозяйка блинами попотчует, посидим, потолкуем.

Старшина согласился.

– А правда, чего в праздники не посидеть с хорошим человеком?

Добриша была тут же, на Торговище, сошлась с товарками, такими же повидавшими жизнь на своём веку мужатицами. Всякие бытовые, семейные частности, обстоятельства, не замечаемые мужским глазом, требовали самого горячего обсуждения, и всё же Добриша одним глазом посматривала на мужа. Заметив, что тот оглядывается по сторонам, сама подошла.

– Гость у нас, Добриша, – сообщил ковач появившейся супруге.

Та поприветствовала Будислава.

– Милости просим, всегда гостям рады, – и велела мужу: – Вы идите себе, идите. Сейчас Резунку кликну, прибежит, всё сделает. Она тут вертелась, идите.

На Торговище, на солнцепёке, снег сошёл, оттаявшая земля утопталась сотнями ног. На улице же ноги тонули в месиве из водянистого снега, жидкой грязи. Ради праздника Добрыга обул не поршни, а сапоги, изрядно смазав их жиром. Но пока добрались до двора, ногам стало мокро.

Резунка, исполняя с важным видом роль хозяйки, подала стопку блинов на блюде, солёные огурцы, квашеную капусту, мису с жаревом. Накрыв стол, встала у печи. Добрыга не стал удерживать дочь, и та, просияв, убежала назад на Торговище.

Выпили по одной потаковке, по другой, поговорили о том о сём. Будислав схрумкал огурец, похвалил:

– Знатно твоя хозяйка огурцы солит, – утёр холстяным убрисом усы, бороду, произнёс раздумчиво: – Растёт наш Славно, ширится.

– Верно говоришь, – поддакнул Добрыга. – В ту пору, как отец избу ставил, вся Рогатица из десятка дворов состояла. А ныне!

– И вымолы на нашей стороне появились. Березич – молодец, вперёд смотрит. Лето-другое – и вся торговля помаленьку, помаленьку на нашу сторону перейдёт. У Детинца тесно, лодии бортами цепляются. Где вымолы, там и торговля. Посад наш пора градским концом объявлять, а у нас даже старшины нет. Вот я думаю, вече после Масленицы соберётся, надобно сие решить, да просить Город, чтоб дозволил старшину иметь.

– Что тут толковать? Нужен старшина Славну. Было на улицах по десятку, по два дворов, уличанскими старшинами обходились. Ныне вона посад какой! Твою сторону держать буду. Кого в старшины-то? Прикидывал?

– Прикидывал, прикидывал, – Будислав вытянул ещё потаковку, сказал: – Тебя, Добрыга, хочу в Славенские старшины продвинуть.

Ковач шумно выдохнул, откинулся назад, упёршись спиною в стену.

– Вот ты придумал! Не пойду я в старшины, – Добрыга фыркнул и даже отвернулся, подчёркивая своё отношение к такому предложению.

– А чё так-то? У тебя сын – женить пора, два подмастерья, юнота, есть кому в корчинеце робить. Ты ж не цельными днями старшинскими делами будешь занят. Соглашайся, Добрыга, людие тебя уважают. Письменам руським обучен, писать, читать умеешь, счёт знаешь, – Будислав указал на особую полку, висевшую на стене рядом со снопом, стоявшим в красном углу.

На полочке лежали церы, писала, комок чёрного воска, чистые берёсты, грамотки, сшитые книжицами.

Ковач вскинул брови, развёл руками.

– Как иначе? Всё по правде, по-честному надобно делать. Всё разве упомнишь? Седмица прошла, на церу записал, кто сколько отработал, что изготовили, что продали. Месяц прошёл – на грамотки переписываю, лето закончилось, рождество пришло, грамотки в книжицы сшиваю.

Допили ендову, Добрыга нацедил новую, заметно захмелели.

– Ты пойми, – объяснял он гостю, – пойми, ковач я. А старшиной быть – то не по любви мне. Услужить миру всегда готов, а старшиной быть – не-е, – Добрыга запихивал в рот то горсть капусты, то блин, подтвердил: – Не любо мне то, не любо. Я вот дманицы задумал по-новому складывать. Кому поручу? Ни на шаг отойти нельзя. Сам ещё не знаю, как, – Добрыга стукнул кулаком по лбу. – Вот крутится тут задумка. Так надо ж всё обмыслить, изладить. Кто без меня изладит? Ладить начнёшь – чё-нибудь да не так. Сам себе ещё объяснить не могу.

После очередной потаковки хозяин поглядел на насупившегося гостя, предложил:

– Да что у нас на Славне, толковых мужиков нету? Давай прикинем.

– Да почему нету? – ответил Будислав нехотя. – Есть. На Лубянице вон, бондарь Одинец, да я тебя хотел.

Ковач призадумался, шлёпнул ладонью по столу.

– Знаю Одинца! Толковый людин. Вот его и выберем.

– А я всё одно на вече тебя кричать стану, – упрямо повторил Будислав.

– А я – Одинца.

Мёд давал себя знать. Сообедники впали в задумчивость. Первым встрепенулся Добрыга, поскрёб темя.

– Что мы всё про старшину да старшину... И о другом Город просить пора пришла. Что весна, что осень – на наших улицах грязи по колено, иной раз на телеге не проехать. Кладь мостовую стелить надобно. А что? – Добрыга развёл руками. – Мостовые мы исправно Городу платим, пускай деньги на кладь даёт.

– Во, во! – Будислав вздел указательный перст. – Мыслишь как старшина, а в старшины иттить не желаешь.

– Т-хе! Мыслишь как старшина! Скажешь тоже. Да ты любого славенца спроси, всяк то же самое скажет.

После второй енды Будислав отправился домой. Вот как бывает. Собирался парой слов перекинуться, а потолковали – аж ноги заплетаются.

* * *

На вече Добрыга как говорил, так и сделал. Поклонился миру в пояс за почёт, за уважение, но от старшинства отказался. Согласился идти выборным к тысяцкому, записаться сказать слово от славенцев на градском вече. И уже на Новгородском вече просить Город уважить посад Славно.

2

Торговище возле Детинца являлось в Новгороде средоточием народовластия подобно агоре на Рыночном холме, а позднее холму Пниксу в Афинах. Здесь, как на агоре, вёлся торг и граждане сходились решать государственные дела на народных собраниях, по-эллински – экклесиях, по-русски – вече. Новгородское вече 10 века было сродни афинской экклесии эпохи «золотого пятидесятилетия». Формы правления были наполнены изначальным содержанием и служили народовластью. В отличие от агоры, на Торговище не было храмов, святилища двенадцати богов-олимпийцев, Толоса, Булевтериона, Девятиструйного источника. Из всех богов присутствовал Велес, бог торговли, покровитель рискованных людей. Но суть Торговища, агоры, Пникса была одна.

Первым на вече держал речь тысяцкий Угоняй.

– Жители новгородские! – говорил тысяцкий взыскательно. – Лето наступает, всем ведомо, что лето с собой несёт, потому не будьте беспечны, словно малые дети. Упреждаю вас: проверьте, всё ли у вас в исправности, всё ли наготове, у кого топор, у кого вёдра, у кого багор. Сам проверю, беспорядок найду – спрошу по строгости и с нерадивца, и со старшины уличанского.

После разбирали торговые споры, решали надобность в мосте через ручей. Закончив градские дела, перешли к посадкам и пригородкам. Первым бирич просил дозволения говорить огнищанину Тудору, у коего возник спор из-за межи с боярином Спирком. Судя по лаптям, хотя и кожаным, в которых огнищанин пришёл на вече, обиду учинил боярин.

– Дело у меня такое, – проговорил Тудор, насупясь. Помял кукуль, переступил с ноги на ногу, словно засмутился неказистой обувки своей. – Десять лет тому мы с отцом, земля ему пухом...

Огнищанина прервал выкрик:

– Громче говори. Бормочешь кого-то под нос, не разобрать ничё.

Какой-то остролов съехидничал:

– Знамо, заселшина, двух слов связать не может.

С правого края подбодрили:

– Смелее, Тудор!

Тудор вздохнул полной грудью, посмотрел на людей, взиравших на него с ожиданием, без злобы, начал наново.

– Десять лет тому мы с отцом подсекли и выжгли полторы десятины леса за Бобровым ручьём. Три лета сеяли пшеницу и оставили землю отдыхать. На будущую весну думал распахать наново. А ныне боярин Спирк распахал и засеял мою землю. Вот такую обиду учинил мне боярин.

Посыпались вопросы.

– Мы на вашем Бобровом ручье не были, как можем знать?

– Межа-то была?

– А упреждал ли ты боярина?

– Мыто Городу исправно платишь, а, Тудор?

Огнищанин переступил с ноги на ногу, обернулся к степени. Податной старшина, упреждённый о споре, ответил утвердительно.

– За прошлое лето всё уплатил, недоимок нету.

Вслед за старшиной, не дожидаясь дозволения говорить, подал голос ответчик. Отделившись от кучки бояр, стоявших наособицу от жителей у степени, Спирк ткнул пальцем в огнищанина. Одет боярин был не в пример истцу – в scarлатную ферязь, на ногах синие юфтевые сапоги, да и говорил без смущения, напористо.

– Не верьте ему, людие! Врёт он. Тиун мне всё обсказал. Закупы мои на Бобровом ручье три лета пашут. Тудоровой земли там с воробьиный нос, полдесятины не станет. Тудор этот в том сельце самый ледащий мужик, так мне тиун обсказывал, всё глядит, чтоб на дармовщинку прожить. Тиун хотел с ним миром уладить. Дак ему, вишь, охота дармовой земли прихватить.

– Ты, боярин, слова-то попусту не меси. Ты дело говори, – одёрнули Спирка с Неревского конца.

– Вот я и обсказываю, как дело-то было. Бобровый ручей к моей вотчине ближе, чем к сельцу. Всякий толковый человек со мной согласный будет, удобней, чтоб пашня одна была, а не лоскутами. Тиун Тудору взамен земли на Бобровом ручье отмерил моей земли ближе к сельцу. И ему удобней, и мне. А он, вишь, хитрец какой – полторы десятины у него было.

– Ну а ты, Тудор, что скажешь? Почто правду утаил? Дал тебе боярин земли? – строго спросил тысяцкий.

– Что рядом с моей земля боярина, то верно. Так между нашими пашнями межа была, а тиун боярский велел закупам запахать её. Я про то тиуну говорил, и соседи мои тоже ему говорили, да он не слушал. У меня видоки есть, со мной на вече пришли. И что землю мне тиун взамен дал, тоже верно. Дак он чё дал-то? Та земля тощая, не родит пшеничку-то, глина там голимая, и не полдесятины, а полторы моих было. В том дымом родным клянусь. Я на такой обмен не согласный. А правду я рёк или лжу, пускай видоки скажут.

Вперёд вышли три людина, сняли кукули, поклонились.

– Да то рази видоки! – выкрикнул Спирк. – Такие же ледащие мужики, что и Тудор. Стакнулись они. По ендове мёду Тудор выставил, в чём хошь поклянутся.

– И не срам тебе, боярин, меня позорить? – к Спирку повернулся сивый дед, поглядел с жалостью на боярина, словно тот страдал неизлечимой хворью, принуждавшей говорить напраслину. Зажав под мышкой посох, протянул вперёд руки. – Гляньте, людие, руки мои – одни мозоли. Это я-то ледащий? Мне отец, помирая, наказывал Правь славить, так я и весь свой век прожил. Тудор всё верно обсказал. Десять лет тому подсекли они с отцом лес на Бобровом ручье, три лета пшеницу сеяли, а потом отдыхать землю оставили. И межа там была. А три лета тому боярин Спирк привёл нового тиуна, кой в рядовичах у боярина, потому как собака того слушает. Пёс – он и есть пёс. В то же лето закупы боярина лес на Бобровом ручье подсекли и устроили пашню. А ныне тиун межу запахал и землю Тудорову захватил. А взамен дал полдесятины, а не полторы, как у Тудора на Бобровом ручье было. А земля та худая, пшеницу родить не будет. Я весь свой век землю пахал и хлеб растил, потому знаю. Дымом своим в том клянусь, а ежели лжу рёк, то пускай меня Перун родией рассечёт и громом в землю вобьёт.

Оба других видока подтвердили слова старика, поклявшись в том. Тысяцкий огладил бороду, громогласно спросил:

– Что решим, людие? Кому поверим?

Большинство держало сторону Тудора, но и Спирка поддерживали. Кто-то, надрывая горло, зычно вопил:

– Боярину верим! Знамо дело, у смердов глаза завидущие, боярину ковы чинят!

От Неревского конца вышел старшина, обернулся к вечу.

– Дозвольте сказать!

Неревский конец ответил согласием, остальные не перечили.

– Я тако, людие, мыслю. Старый человек, – старшина показал на седого видока, – врать не станет, ни за гривну, ни за ендову, потому как ему в Навь скоро собираться. А коли по той земле первыми топор и плуг Тудора прошли, то земля его. Чтоб вдругоряд неповадно было, урожай с того, что на Тудоровой земле посеял, пускай Спирк Тудору отдаст. А чтоб чужих межей не запахивал, назначить боярину виру в пять гривен, как в нашей Правде записано.

Боярин взъярился, даже ногой притопнул.

– Не дело говоришь, старшина! Такого в Новгородской Правде не писано, чтоб урожай отдавать. Эдак расповадятся бездельники. Они лодыря будут гонять, а потом боярина на вече потянут. Грабёж это, не по правде.

– Ишь ты, про правду вспомнил! – раздался ехидный голос, другой добавил: – Загребать чужое не будешь. Сам бы пахал, на чужое не зарился бы.

Боярин слюной брызгал, на своём стоял.

– С тиуном разберусь, мыто Городу заплачу, а урожай вот ему, – Спирк свернул два кукиша, – не отдам.

– Согласны ли со мной, людие? – спросил старшина. – Спирка проучим, другим вотчинникам в науку пойдёт.

– Согласны! Быть по сему!

Одобрительные выкрики, слившись в единый гул, заглушили возражения... Прежде, чем вернуться к своим, старшина погрозил боярину.

– Гляди, Спирк! Мытники придут, проверят и межу, и как волю Города исполнил. Гляди же, строго спросим.

* * *

Добрыга глядел на башню, перстом торчавшую над Детинцем, тын, опоясывавший крепость, собирался с мыслями. Не старшина он, не боярин, тягостно ковачу, что привык к немногословью в корчинеце, перед всем городом на виду речь держать. Споры о градских делах слушал вполуха. Вслушиваться стал, когда бирич Тудора выкрикнул. Город отнёсся к огнищанину благожелательно, это успокоило, обнадёжило. Но тут же подумалось: дело Тудора не касалось жителей, а он о деньгах просить станет. Вот огнищанин с сельчанами покинул площадку перед степеню, вновь выступил вперёд бирич.

– Жители новгородские! Просит дозволения держать слово славенский ковач Добрыга. Просьбы от посада у него.

Площадь ответила согласием.

– Знаем Добрыгу, не пустобрёх. Пускай говорит.

Добрыга вышел к степени, снял кукуль, поклонился в пояс, как положено, огляделся. Жители стояли не толпой, но располагались по порядку: Загородье, Людин конец, Неревский, Славно, пригородки. Ох, не любо было ковачу стоять вот так, под сотнями устремлённых на него взглядов, вести речи многословные. Привык он, чтобы речи вели плоды трудов его, там и без слов всё понятно.

С выбором своего старшины вече согласилось сразу, нужда есть – так выбирайте. О мостовой клади начался спор. Сперва выяснили, исправно ли платят славенцы мыто Городу. Препоны чинили загородцы.

– У нас половина улиц не мощёны, а мы заулки в посаде мостить зачнём! – кричали с левого края площади.

Возражали и известные люди, привыкшие, что к их словам прислушиваются и втуне не оставляют.

– Перед моим вымолом кладь менять надобно, прошлым летом ещё говорено, – прогудел именитый новгородский гость Будята.

В ответ среди неревских послышались смешки:

– У тебя гривен хватает, сам поменяешь.

Будята огрызнулся.

– А ты в чужих кошельках куны не считай, в своём заведи. Я по закону требую.

Славенцы правильно назначили выборного. Не имелось среди них ни бояр, ни людей нарочитых. Добрыгу же в городе знали как искусного мастера, кой товар свой сбывает без обмана, по ценам справедливым. Что из его рук вышло, то добротное, надёжно, стало, и слово его весома.

Добрыга вновь заговорил:

– Жители новгородские, сами видите, Славно наш растёт, места у нас много, люди с охотой к нам переселяются. Ваши ж родичи, дети у нас селятся. Несколько лет пройдёт, и не посад у нас будет, а конец градской. Скоро иноземные гости у нас свои вымолы ставить будут, двory держать. Стыдно Городу станет, коли по его улицам весной да осенью не то что пеши, на телеге не проедешь. А ведь враз всё не сделаешь. Мы ж не просим все улицы и переулки сразу замостить.

Уломал таки хытрец новгородцев. Постановило вече: мостить Славно, для начала две улицы – Рогатицу и Лубяницу.

Глава 10

1

На хозяйстве остались сыновья и старая Гудиша. Сам с женой и дочерьми, похватав каши с молоком, доднесь отправился на покос – ворошить, сгребать сено. Утренние заботы – подоить, отправить в стадо корову, управиться со свиньями, курами легли на Гудишу и сыновей. Близилась пора жатвы, за ней и молотьбы, а старые житные ямы совсем запаршивели. Одолел препротивнейший жучок, от коего было одно спасение – копать новые ямы.

Работа предстояла тяжёлая и нудная. Голован осмотрел тупицы – нет ли трещин в деревянных лопастях, крепко ли сидят железные насадки. Тупицы пребывали в исправности, но под ногами вертелся кот, не ко времени возжелавший почесать спинку. Кота Голован пнул. Житовий, приглаживавший пальцем пробивающиеся усики и с усмешкой наблюдавший за маетой младшего брата, молвил непонятное:

- Было б тебе, Голованко, с вечера перевесища в лесу поставить.
- Это ещё зачем? – спросил настороженно брат, чувствуя подвох.
- Глядишь, лешего б поймал. Сейчас бы запрягли ямы копать, сами бы в тенёчке полёживали.

Голован фыркнул.

– Гляди, как бы он тебя самого не запряг, – тут же поддел старшего брата: – Усища-то, усища у тебя выросли, что у того таракана, что за печкой живёт.

– Ладно, кончай зубоскалить, давай копать.

Гудиша управлялась в избе, приглядывала за малым. В полдни вынесла внукам едомое. Те вошли в материковую глину, упрели. Завидев бабушку, побросали тупицы, скорёхонько уселись за жердяной столик, набросились на пареную репу, кашу. Сама Гудиша похлебала простокваши с крошками, села на чурбачок, подпёрла голову сухонькой ладошкой. Серчала Гудиша. Ладилась сходить по ежевику, а сынок по-своему решил. Она вроде бездельницы, вроде совсем никудышной стала. Ноги ещё ходят, бегом не побежит, а потихоньку, полегоньку и до Искоростеня добредёт. Соседка вчерась полный буравок ежевики принесла. Где брала ягоду, не призналась, может, её, Гудишины места надыбала. Вот же придумали, дома сидеть. Могли бы малого с собой на покос взять. Уже и смородина поспела, там и малина пойдёт, за ней тёрен, боярка, груши. Узвар все уважают, дак он сам собой не изготовится. Дома просидит, кто всего припасёт? Млаве некогда, дома забот полон рот. Девчонки, что ли, насобирают?

Внуки захихикали с набитыми ртами. Старая не заметила, как от досады принялась ворчать в голос. Гудиша шумнула на весельчаков, забрала грязную мису, ушла в избу проведать заснувшего внучонка. Братья прилегли в тенёчке. Голован поворочался, поднялся.

– Мухи лезут, покоя нет. Пойду, искупнусь.

– Воды холодненькой из копанки принеси.

Житовию лень было идти на речку, но освежиться хотелось.

Голован поставил ведро на землю, в воде плавали несколько яблок. Выловив прихваченную попутно поживу, бросил пару яблок старшему брату. Житовий вонзил зубы в брызнувший кипящим соком плод, от кислого вкуса, наполнившего рот, свело скулы.

– Гляди-ко, опять от батьки попадёт. Почто незрелые рвёшь? Семя ещё белое.

– А ты почто незрелые ешь? Ишь, как хрумкаешь.

Жмурясь, Житовий сжевал яблоки, кислинка приятно освежила. Споро поднявшись, ухнув, опрокинул на себя ведро воды.

– Лепота-а! Ну, давай за работу.

Голован между тем уже занялся младшим братишкой, после сна выбравшимся на волю. Выучившись передвигаться самостоятельно, то на двух, то на четырёх конечностях, Млад познавал огромный, необъятный, полный загадок мир. Опираясь на ручонки, малыш сидел у крылечка, наблюдая за сновавшими между травинок муравьями.

– А ты что бездельничаешь, Млад? Вишь, все трудятся. Мы с Житовием ямы копаем, бабушка обед готовит. Один ты посиживаешь. Давай-ка, землю таскай, старые ямы засыпай.

Млад посмотрел на строгого брата круглыми глазёнками-пуговками, деловито протопал к куче свежей земли. Озабоченно посапывая, постоял, набрал горстями подсохшую на солнце глину. Та тут же высыпалась из раскрывшихся ладошек. Всё же детская головёнка кое-что соображала. Возле крыльца лежал глиняный черепок, будто специально предназначенный для перетаскивания сыпучей земли. Посмотрев, как, сбросив комочек глины, Млад заглядывает на дно ямы, Житовий попенял шутнику:

– Гляди-ка, свалится ненароком, достанется тебе. А ну как зашибётся!

Голован уже и сам был не рад собственной придумке. А ну и вправду сверзится да шею свернёт, много ли малому надо. Словно почуяв опасность, грозившую несмылёнышу, во дворе появилась Гудиша, увела внучонка глядеть цыпляток.

Житовий, не дожидаясь, когда у балагура заговорит совесть, трудился во все лопатки, только комки глины отлетали. Голован почесал затылок, спрыгнул в яму, поплевал на ладони, взялся за гладкий, отполированный держак. Заступ с натугой входил в плотную глину с белыми ветвистыми прожилками. Пласты отламывались небольшие, в два-три вершка. Голован выпрямился, присвистнул. В соседней яме появился брат с недовольной личиной.

– Чего тебе?

– А наперегонки слабо?

– Это с тобой-то? – Житовий презрительно фыркнул. – Давай!

– Думаешь, усы, как у таракана, вырастил, так побьёшь меня? Как бы не так!

В нудной работе появился азарт. Горяч был Голован. В свои пятнадцать лет уж ничего не боялся, ни работы, ни кулачек, лишь тягомотины не выносил.

2

У ворот Желан спешился, ввёл кобылку во двор, похлопал по влажному крупу, ехал потихоньку, а упрели оба. В горле пересохло. Лошадь напоил в Песчанке, сам утолять жажду тёплой водой не стал, дотерпел до дома. На шум выглянула Млава, вынесла из погреба сулею холодного кваса. Из-за ограды окликнул сосед. Желан со всхлипом осушил в два приёма потаковку, отдал пустой ковшик жене. Пролившийся квас приятно охладил подбородок, грудь. Желан утёр потное лицо рукавом, обойдя сушившиеся на горячем червеньском солнце новые житные ямы, подошёл к тыну.

– Где был? Жито глядел? – спросил сосед.

– Глядел, – кивнул Желан.

– И чё выглядел?

– Ячмень жать пора, жито подходит, полбе постоять с седмицу.

Сосед сдвинул на лоб кукуль, поскрёб затылок. На разговор подошла Гудиша.

– Чего затылки скребёте, мужики? Жито-то думаете жать? Червень на исходе. Ждёте, пока зерно посыплется, – заметила раздражённо.

– О том и толкуем, мама, – почтительно ответил сын.

– О чём толковать? – проворчала старуха. – Идите к Торчину, он верное слово скажет. Сейчас требы Роду, Велесу да Стрибогу соберу, и ступайте. Богов восславьте – и жать зачинайте.

Продолжая ворчать, Гудиша ушла в избу. Желан, готовившийся через год-другой обзавестись внуками, оставался для престарелой матери всё тем же своевольным пострелёнком, норотившим всё сделать сам. «Сам» получалось не всегда ладно, и потому по сю пору мать не уставала наставлять сына, у коего уж соль на висках выступила.

Прихватив требы, соседи отправились в святилище. Жатва заботила всё сельцо. Но как приступать к важному делу, не потолковав с мудрым волхвом, не восславив богов? Потому у берёзовой роши близ священного студенца собралось всё взрослое мужское население Ольшанки. Желан с Чюдином примостились с краю лавки.

– Торчина-то нет, что ли? – спросил Желан.

– Пусто, ни в избушке, ни у родника. Ни Торчина, ни Студенца, ни Зоряны, – словоохотливо ответил сивый дед, благодаря большой, арбузообразной голове получивший в зрелые лета прозвище Головка. – С чем к волхвам пожаловали?

– Жито убирать пора бы. Зачнём, да как заненастится, – раздумчиво произнёс Желан. – Сам-то как мыслишь?

– Я-то? Я-то так мыслю. Завтра в поле выходить надобно. Вёдро долго простоит. Однако требы надобно и Роду, и Велесу принести, да и Стрибога не забыть. Богов восславить и приниматься.

– Богов славить – то само собой.

Жара спала, от берёз пролегли тени. У реки протяжно промычала корова, сообщая хозяйке, что вымя полнёхонько. В сельце прогорланил очнувшийся после жары петух. Ответно кукареканью в роще переполошились сойки. Дед поднял голову.

– Вот и волхвы возвращаются.

На поляне между избой – жилищем волхвов – и крытыми навесами, где сушились травы, появились три фигуры: седовласый старец, поддерживаемый под руку молодым парнем, и круглолицая румяная женщина. Все трое несли буравки с травами: в одних лежали жёлто-зелёные колоски, в других – стебли с длинными продолговатыми листьями.

Людие дружно поднялись, поклонились.

– Здрав еси, Торчин, и ты, Студенец, и ты, Зоряна!

Волхвы поклонились ответно.

– Здравы еси и вы, добрые люди.

Женщина забрала буравки у парня, старика.

– Ну, вы беседуйте, я пойду травы разложу.

– Иди, Зорянушка, иди, – ласково промолвил старик.

Потворница жила тут же, в избушке-полуземлянке у родника. Жилище её являлось своеобразной корчаницей, но изготовлялись в нём не плуги, не клинки из харалужной стали, а целебные снадобья. Сушились же травы под общим навесом.

Зоряна ушла, людие сложили требы на стол в общую кучу. Дед Головка, опираясь на посох, молвил, обращаясь к седому волхву:

– Требы принесли Роду, Велесу, Стрибогу. Пора жатву начинать. Что скажешь, Торчин?

Волхв, подслеповато щурясь, прошёлся тёплым взглядом по лицам жителей, кивнул удовлетворённо.

– Не забываете богов, то добре, и боги будут к вам милостивы. Зачинайте, братие, жатву. Вёдро до середины зарева простоит. Потом Стрибожьи чада налетят, тучи нагонят, дожди прольются. Но ненастья недолго продержится. Перун-громовик родии метнёт, опять вёдро настанет. Выходите завтра на жатву, поспешайте, как раз успеете до ненастья управиться, – старец обернулся к молодому своему ученику, похлопал по плечу. – Ну-ка, Студенец, обскажи людиям, о чём беседу с тобой вели.

Волхв сел на лавку среди потеснившихся мужиков, подбодрил взглядом стоявшего перед ним Студенца. Парень смушался, вынужденный говорить при многолюдстве, потеребил поя-

сок, несмело посмотрел на наставника. Это был ещё один урок, преподаваемый старцем. Будущий волхв должен уметь вести речи с людьми. Встретив добрый взгляд учителя, Студенец приободрился, заговорил:

– Облака редко идут, да всё с полноточной стороны, да кучерявые все. Луна яркая, без мути. Светляки горят, хоть собирай да в избе имя свети. Жучок с ладони на палец перелез и кверху полетел, всё к долгому вёдру.

Закончив речь, Студенец с робостью посмотрел на мужиков, опасаясь смешков.

– Молодец, – похвалил Головку, сказал доброе слово и Торчину: – Добре парня учишь. В Навь уйдёшь, есть кому в святилище сменить.

Головку самому близился путь на саях, потому упоминание об уходе в Навь не звучало бездушно.

Торчин встал, сутуля согбенную спину.

– Что ж, братие, идёте на требище, восславим богов наших милостивых.

Людие с готовностью поднялись, потянулись гуськом за волхвом.

3

Отец с сыновьями укладывал снопы в копёшки, мать с дочерьми в тенёчке у телеги расставляла на ряднушке едомое. Разбирая снедь, Млава тихо улыбалась. Добрая семья у них с Желаном получилась. И у него помощники подросли, и у неё помощницы. Ишь, как дружно работают. Голован с Житовием всё силушкой меряются. Да только чует материнское сердце: скоро расставаться со своими помощницами придётся. Из-за телеги донеслась песенка:

*– И говорило
Аржаное жито,
В чистом поле стоя,
В чистом поле стоя:
Не хочу я,
Аржаное жито,
Да в поле стояти,
Да в поле стояти.*

Заринка, голенастая, нескладная юница, вот только едва ноги волочила, посидела чуток в прохладе, кваску испила, и уже за метеликом гоняется. Млава посмотрела внимательно на старшую дочь, чистившую луковицу. Что-то не нравилось ей в Купаве. Меняется прямо на глазах. То песню запоёт, то с братьями перешучивается, а то, как тучка на солнышко найдёт, насупится, пасмурнеет и молчит полдня.

– Что сумная, донюшка, ай недужится? Так сказала б, дома бы оставили.

– Здорова я, мама, – Купава быстро глянула на мать, взгляд отвела, помолчала, молвила: – Другое у меня. В Дубравке парень есть, Здравом зовут, – произнесла быстро, на одном дыхании.

– Что ж он за парень, тот Здрав? Давно ли спознались?

Млава лукаво посмотрела на запунцовевшую дочь. Та с жаром принялась объяснять, какой хороший парень тот Здрав. Но, объясняя, говорила совсем не то, что ожидала услышать мать.

– Мы ещё зимой, на святки спознались. Его боярский рядович Ляшко на кулачках побил. Так что с того, что побил? Все наши парни сказали – Ляшко не по-честному бился. Ляшко злой, а Здрав добрый.

– Так ты потому за Ляшка и идти не захотела? – перебила мать.

Купава оттопырила нижнюю губку.

– Не пойду за нелюбого. Мне Здрав люб, и я ему люба. Сам на купальских игрищах поведаль, – Купава помолчала, шумно дыша, и, сердито посмотрев на мать, выпалила: – Отдайте меня за Здрава!

– Да чего ж не отдать, коли любви друг дружке? – засмеялась Млава. – Поговорю с отцом. Жатву закончим, копы на гумно свозим, пускай приезжают, мы к ним съездим, поглядим. Хорошая семья, так чего ж не отдать? А то, может, погодишь ещё лето?

Купава опустила голову, проговорила сквозь готовые брызнуть слёзы:

– Ныне пойду!

Заринка уже занималась важным делом. Нашелушив в ладошку зёрен из колосьев, подняла к небу полную горсть и, изображая взрослых жниц, приговаривала:

– Род! Ты, который снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии.

Млава, и радуясь за дочь, и уже горя о неотвратимой разлуке с родным дитятей, повторила:

– Поговорю с отцом. С жатвой закончим, пускай приезжают, сватаются. Мы к ним съездим, тогда и порешим.

Разложив на холстине репу, огурцы, хлеб, улыбнулась по-доброму.

– Свозим копы, пойдём с тобой в лес, надерём корья с дичек, ольхи, покрасим тебе понёвы, сорочицы, убрusy.

Подбжеавшая Заринка спросила обиженно:

– А почему понёвы Купаве красить? Я тоже в крашенных хочу ходить.

Млава засмеялась.

– Да как же без тебя? И тебе покрасим, лада моя.

Напившись квасу, утирая усы, Желан молвил довольно:

– Урожай ныне добрый, колос полный, тяжёлый. Однако, сам-четвёрт, а то и сам-пят будет.

Взглядом приструнил сыновей, по своему обыкновению пихавшихся из-за места, сотворил молитву перед трапезой:

– Силой родных богов и трудов людинов пища пребывает, тела и души Дажьбожьих внуков благословляет, стремлением святости освящая. На добро и счастье детям Сварожьим, пищу имея, требу даём, Роду великому славу творим! Слава Родным Богам!

Глава 11

1

В больших святилищах, где богов славят не у священных деревьев или студенцов, а у капей, не один, не два, полдюжины, а то и десяток и более волхвов обретается. И у всякого волхва своё особое дело. Одни требы вершат и время стерегут, чтоб и Ярилин, и Перунов день, и всякий иной в отведённый срок справить, те священный огонь блюдут, чтоб не гас огонь до положенного срока, да было бы чем питать тот огонь. Есть среди волхвов и кудесники, и кобники, и целители, и старцы-кощунники. В святилищах же у студенцов, священных деревьев, где славят богов жители какого-нибудь малого сельца, несут службу один-два, много три волхва, на коих наваливаются все заботы.

* * *

На полях шла жатва, но и волхвы не сидели без дела. Сбор целебных трав, кореньев начинался в месяце сухой, едва снег сойдёт, и длился до зазимков, завершаясь в паздерике. Сена скотине косить и то умеючи надобно, чтобы трава силу набрала, да не перестояла, силу свою не потеряла. А уж всякое былие для зелий собирать – и подавно ухыщрение надобно. Одни травы собирают весь день, лишь роса высохнет, другие далеко после полдни, когда жара спадёт, третьи цвести начнут, да полную силу имеют при нарождающемся месяце. Одни силу имеют в травне – кресене, а иные набирают её лишь в зареве, а то и рюене. И за сушкой догляд надобен. Зелие не сено, всё подряд в копёшку не сгребёшь. Одни сушатся помаленьку, полегоньку, в тенёчке, на сквознячке, а другим жар надобен, иначе, коли скоро не высушить, целительная сила уйдёт. Потому в избушке-землянке Зоряны иной раз и в жаркие дни печь от зари до зари топилась. Корневища мяуна сушат на вольном ветерке, потом на тёплой печи, пока не побуреют и не пойдёт от них дух, от коего кошацье племя с ума сходит. Клубни же кукушковых слёз, из отвара коих в немочного человека силы вливаются, и вольно сушат, и бурливым укропом обваривают, и на тёплой печи досушивают. Высушенные травы, коренья надобно по сумам разложить, да не смешать, не спутать. Есть такие травы, коими по бестолковости можно не оздоровить болящего, а ранее срока в Навь отправить. За всем догляд и догляд надобен.

Мало собрать да высушить травы. Чтоб польза от них была, настои и отвары из них делают. Отвары готовить – не репу парить: надобно наговоры знать. Для несведущих людей те наговоры – волшебство. Целители и потворницы ведают: нет волшебства, а есть ухыщрение. Ведают, да хранят в тайне. Неумелый, несведущий человек и с наговорами никудышнее зелье изготовит, или того хуже, такое снадобье сварит, от коего болящий не оздоровит, а на санях покатится. Одни наговоры короткие, другие длинные, не всякий человек все слова запомнит. Одни наговоры глаголят борзо, другие – нараспев. Всякое зелие свой наговор имеет. Мало тот наговор ведати, уметь глаголить надобно. Скоро протарабанишь, целительная сила в травах останется, в отвар не выйдет, мешкотно пробормочешь – паром уйдёт. Без хыткости ничего не сделаешь. Дар к хыткости боги дают. Чтобы из дара хыткость взрастить, труды и труды потребны, иначе божий дар зачахнет, как нива в засуху. Зоряне и боги дар свой дали, и трудов потворница не пожалела, потому и хыткость обрела.

Моления и требы – то лишь малая часть трудов волхвов. Людие много от них ждут. Люди заранее проведать хотят, успешно ли начинание какое будет, или ждёт их неудача. Каков урожай соберут, ненастное ли лето выдастся или жаркое, зима морозная придёт или мягкая, скотина будет ли плодиться, да как пчёлы себя поведут. Про всё то боги знаки подают. Не шепчут

в уши, но особо извещают знающих людей. Всё волхвы примечают. Как черёмуха цвела, да сколько орехов уродилось, сколько комаров, мошек расплодилось, когда дуб распустился, как конь белый бежит, как лист с берёзы и дуба падает, как птицы летят. Потому ведают, и каким нынешний год будет, и каким будущий, удача придёт или беда. А чтобы знать то всё, примечали волхвы божьи знаки с досюльщины, с тех пор как пришли славяне на Непр-реку, Ильмень-озеро, реку Мутную. Примечали и на особых дощечках памятными знаками записывали.

Не только травы собирали волхвы летом. Дрова для священных костров заготавливали. Для тех костров не всякое дерево годилось. Сосна, ель, осина не идут. Для священного костра дуб надобен, любимое дерево Рода, Перуна. Трудился на заготовке дров Студенец. Люди помогали вывозить дрова к святилищу, но приходилось парню всласть трудиться топором.

2

Не прошло и седмицы с молений об урожае, когда ольшанские жители собирались в святилище, одолел Торчина неизлечимый недуг, прозвание коему – старость. Не помогают от сего недуга ни волшебные отвары, ни целебные настои, ни примочки. Не рассчитал сил старец, походил со Студенцом по лесу, и вот – ни ноги не ходят, ни спина толком не гнётся, да и тело ослабло, духу не хватает десятка шагов сделать. Да как считаешь те силы, коли знаешь: скоро, ох, скоро кататься тебе на санях. Всё хочется, и на солнышко ясное налюбоваться, на приволье луговое, цветущие доли, рамень зелёную наглядеться, птах послушаться, воздухом надышаться. Не страшился Торчин смерти, пожил на своём веку, и всё же жаль, жаль Явь покидать. Что ноги устали по земле ходить, то полбеда, кровь остыла, и уже едва-едва струилась по жилам. Кровь остыла, и мёрз Торчин и ночью, и днём. Ночью лежал под овчиной, засыпал под утро, днём, сидя на лавочке, отогревался на солнышке. Иной день сидел просто так, подрёмывая, в другой раз брал пятиструнные крыловидные гусли. Напевал, скорее, бормотал, про Матерь Сва, про Ладу, как носила она долгие годы в своём чреве златокудрого бога-громовика, про победу Правды над Кривою. Иной раз на переливы гуслей с верхотури, с вершины тонкоствольной берёзы отзывалась сопелью златопёрая пичужка. Торчин теперь уж и не видел той пичужки, но заслышав её: «Фью-люу-люу! Фью-фью-фью!» – ясно представлял птаху в золотящих солнечных лучах. Вот ведь творенье Сварога небесного! Как разобьются на пары те пичужки, насвистывают на весь лес. У самца оперенье за версту приметное. Любой хищник подходи, бери. Ай не тут-то было! Гнёздышко совьют на самой вершине. В развилке из веточек подвесьт махонькое перевесище, никому не подлезть. А как от воронья отбиваются! Скоморохам такого не представить. Сами в нынешнем травне видоками были. Повадились две вороны гнёздышко стеречь. Мало ли какой случай выпадет. Невмочь станет самке на яйцах сидеть, а самец не подоспеет, вот и пожива. Поглядит-поглядит самочка на ворон – и давай муженька высвистывать. Муженёк прилетит, сядет на веточку, на ворон смотрит. Смотрит-смотрит да и зачнёт представление. Самец зачнёт, самка поддержит. Такой ор подымут, хоть уши затыкай, хоть беги, куда подале. Словно негодники-сорванцы кошек наловили, да не одну, не двух, а с полдюжины. Наловили, хвосты бедолагам прищемили, те и орут на все голоса. Не выдержат вороны воплей, кои даже их, вороньи уши, к карканью привыкшие, раздрают, и улетят восвоюси. Зоряна тоже не выдерживала. Завидит воронье и просит Студенца прогнать поскорей. Самой и смешно, и слушать невсутерпь.

– Это как же такая махонькая пташка по-таковски вопить приловчилась!

Во всех тварях божьих смысл есть. Знатно потрудился Сварог небесный. Всякие птахи, рыбы, звери, не говоря о людях, на свой лад сотворены. Сотворил Сварог людей всякого на особицу, а заповедал любить друг дружку, жить в мире, без раздоров. Знают люди заповеди божьи, ведают, что любо богам, что нет, да не могут мирно, ладком ужиться. Да кто не может-то? Ходила ли когда Ольшанка на Дубравку, или Городня на Ольшанку? То князья без походов

жить не могут. Добро б только на степняков или ромеев ходили. О тех речи нет, так со своими же русичами бьются.

Грелся Торчин на солнышке, подрёмывал, на гусях поигрывал, прошедшую жизнь обмысливал. Сколько себя помнит, богам служил и людям. Учил людей богов, Правь славить, правду от кривды отличать. Для самого себя и дня единого не прожито. Потому уходил Торчин в Навь без страха, чист он перед Сварогом. Может статься, оглядит Сварог небесный Торчинову жизнь и возьмёт к себе в Ирий.

Зоряна, приготовив едомое, уходила в лес, на луга. Собирала душицу, пустырник, горец, красную траву, копала коренья кукушкиных слёз. Студенец же заготавливал дрова. Пищу для священных костров наготовил, жители с жатвой управятся, привезут. Но и для себя надо озаботиться. Зима длинная, без дров скучно станет. Возвращался в святилище под вечер голодный, потный, усталый.

3

От натруженного мужского тела исходил терпкий запах. Зоряна поливала воду в подставленные пригоршни, лила на лохматую голову, смеясь, опрокидывала берестяной черпачок на лоснящуюся потом спину. Студенец потешно вздрагивал, гоготал доволью. Четвёртое лето не касалась Зоряна мужской плоти. Глядела на Студенца, усмехалась про себя. Экий парнище вымахал, а бестолковый, как телок. Неужто не манят женские ласки? И не стара она вовсе, на сколько лет всего и старше? Или не глянется ему? Так и знакомств с жёнами и девами не водит. Или боится её? Видно, строга чрезмерно. Неужто так и пройдёт её век, и не познает того, что богами жёнам назначено? Сколько раз видела, как счастьем светятся материнские глаза. Неужто не познает она того же, не прильнёт к груди, не загулькает, не забулькает её кровиночка, её дитяtko? Прав мудрый Торчин. Рады ей люди, почёт оказывают. Да ведь и ей хочется того же, что все жёны имеют. Чтoб мужик стиснул, приголубил, и чтoб дитяtko своё, родное у неё было. Лучше б доченьку. Уж она бы её всему обучила.

Студенец, не дождавшись очередной порции воды, поднял голову. Зоряна стояла, прикусив губу.

– Ты чего? – молвил и осёкся, встретив странный взгляд женщины.

От того взгляда огнём полыхнуло в груди. Студенец сапнул, пробормотал запинаясь:

– Ты чего... глядишь так?

Зоряна усмехнулась, вылила оставшуюся воду, подала убрус, взгляд не прятала. Студенец словно впервые увидел натянутую на груди сорочку, сочные, что спелое вишенья, губы.

– Солнце сядет, стемняется, выходи. Пойдём в поля.

Обтёршись, Студенец отдал убрус, глянул в глаза, молвил с замиранием:

– Торчину тяжело ходить, видит едва. Под руки вести придётся.

Зоряна едва не расхохоталась.

– Вдвоём пойдём. Траву особую покажу, при месяце собирают.

– Ладно. Торчину всё ж скажу, может, тоже соберётся.

– О-о! Не говори ничего Торчину. Стемняется – и выходи.

* * *

Сияние молодого месяца мягко ложилось на вершинки копёшек. Сами копёшки чернели кучами. Миновали одну, другую. Зоряна остановилась, велела:

– Сними снопы, сложи на землю.

Студенца охватило нетерпение, накалявая в темноте руки, снял снопы. Зоряна набросила ряднушку, спустила с бёдер понёву. Горячие руки повлекли Студенца.

– Иди же, иди, любимый мой. Заласкаю, зацелую.

Трижды уводила Зоряна молодого волхва в поле. На вторую ночь Студенец спросил:

– Почто на поле ходим? В твоей избушке не увидит никто.

– Понести хочю. Понести хочю, потому и вожу тебя на житные копы.

С тех ночей изменился Студенец. Куда подевалась робость и смущение. Мудрый Торчин всё понимал, всё примечал и относился благосклонно к ночным отлучкам своего ученика.

* * *

Жито сжали, копы свезли на гумна. Велеса не забыли, остатние колосья связали бородкой, пивом полили. Мужики готовились к молотье: ладили цепи, деревянные лопаты, проверяли напоследок житные ямы, выжигали кострами притаившуюся по углам сырость. Вечерами по дворам зачастила Зоряна. Вчера рудый повой потворницы мелькал в Дубравке, сегодня в Ольшанке заглядывала в один двор, в другой. Время шло к осенним свадьбам. Семью создавать – крепко обмысливать надобно. Молодым горя мало, через костёр попрыгали, в кустах помиловались, глядишь, уж «любешкой» да «любым» друг дружку зовут. А ежели прабабка парубка, про которую он и знать не знает, родной сестрой прабабке «любешки» приходилась? Тогда как? Что за дети пойдут? – с червоточинкой. Потому не простое у Зоряны было дело – родню до пятого колена перебирать. Что ольшанцы меж собой, что дубравинцы, давно перероднились. Потому ольшанские парни искали жен в Дубравке, а дубравинские – в Ольшанке. Брали жён и из Городни, но своих дочерей и ольшанцы, и дубравинцы за городнянских отдавали редко и с большой неохотой. Боярин Брячислав мало-помалу прибирал селище к рукам, вольных смердов в сирот обращал. Кто пожелает неволи своему чаду? Зоряна и родство выясняла, заодно проводывала, согласны ли родители дочь за такого-то парня отдать. Матери тоже не теряли времени зря. Про всё надо вызнать: что за дивчина, работяща ли, покорлива, скромна ли или своенравна, сварлива, да на всякое слово огрызается. Не шутка чужого человека в семью принимать.

Пришла Зоряна и во двор к Желану. Купава завидела гостью, убежала к телушке, репя из хвоста выбирать. Насмешник Голован хохотнул:

– Ай, сестрица, дела себе не найдёшь?

Купава оставила телушку, ушла к воротчикам. Но и тут не стоялось. Подумала: «Увидят – сразу поймут, чего жду. Опять засмеют». Схватила метлу, принялась двор мести. Дождалась, вышла Зоряна из избы, усмехнулась потворница уголками губ.

– Жди гостей, девонька.

Купаве враз и радостно сделалось, и насмешек опасается. Голову пригнула, ещё шибче мести принялась.

Глава 12

1

Как и прочие жители Дубравки, Борей с Златушей были ведомы Желану с Млавой. Встречались на Красной Горке, на игрищах меж сёл, молениях. Знакомы были, но дружбы не водили, по праздникам не гостевали. Но пересекались волшебные нити жизни, сотканые Макошью-матушкой.

Меринка Борей не распрягал. Ослабил подпругу, узду, привязал к тыну, бросил охапку травы. Меринок помотал головой, отгоняя привязавшихся по дороге оводов, поглядел на хозяина, принялся лениво жевать. Обычно в Олышанку ходили пеши, но сегодня был особый случай. Златуша, дожидаясь мужа, поглядывала через калитку во двор, стараясь сохранить на лице безразличие. Для повидавшей жизнь мужатицы, у коей детки своих деток заводите собралась, одного взгляда на подворье хватит, чтобы понять, что за семья тут обитает. Стоит ли с ней родниться или лучше бежать отсюда без оглядки и сыну заказать, чтобы и думать не думал неряху-грязнулю в дом приводить.

Ради торжественного случая оба супруга обули праздничные лапти, плетённые с подковыркой и ремнём. Борей оделся обычно, в чистое, не ношеное. Златуша принарядилась: надела синие бусы из трубчатого стекла, красную понёву, вышитую сорочицу из бели с бубенчиками на рукавах. Бубенчики же и коники с закрученными хвостами украшали кожаный поясок. Голову покрыла синим повоем.

На шум и собачий лай вышла Млава, отворила воротчики. Гости поклонились хозяйке. Борей, сжимая в правой руке кукуль, левой разгладил усы, кашлянул в кулак, спросил, дома ли хозяин. У них вот дело есть до обоих, сесть бы ладком да обсудить неспешно.

– Дома сам, на гумне, – ответила Млава. – Так идёте ж в избу, а я самого кликну.

За избой, в затишке Купава с Заринкой под присмотром бабушки крутили жернова, ссыпали намолоченную муку в берестяной короб. С гумна доносился перестук цепов. Завидев гостей, Купава прикусила губу. Заринка, округлив глаза, посмотрела на сестру. С первого взгляда будущая невестка Златуше понравилась. Всё успела отметить – и работой дева занята, и засмушалась, знать, скромна. Млава проводила гостей в светлицу, усадила на лавку, убежала за мужем. Стук на гумне стих. Житовий, отвернувшись к скирде, смеялся в кулак. Желан качал головой. Голован, сморщившись, тёр покрасневший лоб. Млава сердито посмотрела на мужа и старшего сына.

– Чего смеётесь над малым? Нет чтоб научить, так потешаются ещё, – убрав руку Голована ото лба, оглядела ушибленное место. – Иди, родименький, к бабушке, пускай тряпицу смочит холодной водой и приложит ко лбу, – повернувшись к мужу, позвала: – Бросай молотьбу, гости приехали.

– Каки таки гости? – пробормотал Желан недовольно. Солнце ещё не село, жаль было терять время попусту. – Ай у них дома работы нету?

– Каки, каки! А то не ведаешь!

– А-а! Понятно. Ну, иди, иди, посиди с ними. Умоюся и приду.

– Поворачивайся поскорей. Заринку пришлю, чистую рубаху принесёт.

* * *

Разговор пошёл о самом главном – об урожае. Обе семьи прошедший год прожили в достатке, хлеб до самой новины ели без мелицы. И ныне жито уродилось сам-четвёрт да сам-

пят. Теперь бы с обмолотом управиться. Поди-кось, Стрибог-батюшка удержит чад, не нанесут те туч дождевых. Успеть бы половину обмолотить, закончить можно и по морозцу.

Житьё-бытьё обговорили. Хозяева примолкли, приглашая гостей приступить к сути знакомства. Златуша поглядела на мужа, толкнула локтём, понуждая того приступить к делу. Борей пригладил усы, прокашлялся.

– Привела нас к вам забота наша. Сын наш, Здрав, достиг лет мужеских, надобна ему жена, чтобы жить по божеским законам.

Борей излагал самую сущность без прикрас. Пришла пора, всякая божья тварь пару себе ищет. Такими их бог-отец, Сварог милостивый, сотворил. Златуша предоставила мужу начать разговор, но по её женскому разумению, тот повёл речь неверно. Какие наряды ни надевай, разносолы, жаренья, печево на столе ни мечи, а без песен, плясок и праздник не праздник. Что за сватовство без похвал невесте и жениху. Дождавшись, когда муж запутается в толковании божьих законов, по которым Желан с Млавой должны отдать свою Купаву за их Здрава, повела речь сама. Смотрела на будущих свояков простодушно, говорила гораздо, певуче, не заикаясь, без блазни и лести.

– Сын наш Здрав – парень здоровый, работающий, смиренный. А уж добрый-то, скотину лишний раз не ударит, не стегнёт. На лицо пригожий, чистый, собой видный. Пришла ему пора ладушку свою искать да вместе с ней гнёздышко своё вить, да как боги указуют, детишков родить да растить. Прознали мы, есть у вас дочь невеста. Дева – загляденье, что цветочек весенний, краса распрекрасная, и нравом добрая – работающая, скромная, к старшим покорливая, заботливая. Вот мы с мужем и думаем, как бы нам чад с вами своих соединить.

– Да мы не против. Дочери своей только счастья желаем. Да молода ещё, – молвил Желан.

Потаённые желания дочери ведал от жены, да обычай требовал давать согласие не сразу. Надобно потолковать, порассуждать, непременно сведать, что за семья, в которую дочь пойдёт. Потом уже, после сидений, выслушав убеждения, испить пива и нехотя дать согласие.

– Да как же молода! – всплеснула руками Златуша. – Шестнадцать лет минуло. Я сама в такие лета уж мужатицей стала. Да и грех вам будет, коли дочь в девках останется.

– Жалко чадо своё, кровиночку родную в чужие люди отдавать. Ну, как голодовать придётся? У отца с матерью живёт сыта, обута, одета. А в чужой семье как придётся? – добавила свои возражения Млава.

Златуша с жаром воскликнула:

– Да мы ить не таимся! Поедемте, поглядите наше подворье. Мы всегда рады, сей же час и поедем. В паволоки, горностаи не одеваемся, с серебряных блюд жареных лебедей не едим, что правда, то правда. Но живём в достатке, не бедствуем. Борей уж сказывал, ныне хлеба до новины хватило. Поедемте, сами поглядите, как живём. Мы не препятствуем. Как же, всяк о своих детушках радеет. Как не понять?

– Мы вот рядимся, отдавать, не отдавать дочь, а Купава-то сама, может, и замуж-то иттить не хочет, – Желан поставил ещё одну препону, велел жене: – Ну-ка, покличь дочь-то.

Купава вошла в светлицу пунцовая, как новая понёва, надетая в ожидании приглашения.

– Вот, дочь, – во взгляде отца суровость мешалась с лаской, – люди с Дубравки приехали, просят замуж тебя отдать за ихнего сына Здрава. Знаком ли тебе Здрав?

– Знаком, – пролепетала девушка, опустив голову.

– Замуж за него пойдёшь ли?

– Пойду, – шелестом листьев на утреннем ветерке прошептала Купава.

– Отец усмехнулся, рукой махнул.

– Ладно, иди, делами своими займись.

* * *

В Дубравке, можно сказать, попали в собственный двор. Изба, мазанная глиной, на аршин ушедшая в землю, такие же житные ямы, одрины, рига, гумно, чисто прибранная светлица с пшеничным снопом в красном углу и оберегами на полке. Лишь корова отличалась от Желановой. Трёхлеткой обломила рог, да так однорогой и осталась. Юница, ровесница Заринки, молола пшеницу. Старуха, мать Борей, ссыпала муку в короб. Младшая дочурка засмушалась чужих людей, убежала в одрину, выглядывала в щель у неплотно прикрытой двери. Заходила сестра Борей, якобы за закваской для теста, Млава усмехнулась про себя, это что ж за хозяйка, у которой закваска кончилась. Все были приветливы, относились к гостям с полным уважением. Здрав, виновник происходящего, отставил цеп, поклонился в пояс.

Назад в Ольшанку будущих тестя и тещу отвёз Здрав. Млаве было жаль притомившегося на молотбе парня, хотела идти пеши, но будущий зять на радостях, что дело ладится, забыл про усталость, подал телегу. Люди добрые, приветливые, работающие, а всё ж чужие. Потому возвращалась Млава домой пригорюнившись. Да и Желан смотрел невесело. Нелегко расставаться с донюшкой. Хоть и понравился Здрав, и сердце радовалось за дочь – экого парубка отхватила, но к радости примешивалась печаль.

Следующим вечером Борей со Златушей вновь приехали в Ольшанку.

Свадьба для сельчан – событие, которое ждут, к которому готовятся и которое оценивают. Тут оплошать нельзя, иначе долго будут посмеиваться: на свадьбе гулял да голодным домой вернулся. Чтобы гости веселились, все обряды соблюдались, на то потворница и дружка есть. Отцам надобно самую суть обсудить.

Смерд не князь, не боярин, седмицу пировать, бочки с медами по улицам выставлять и времени нет, и никаких запасов не хватит. Порешили гулять два дня. Борей заколет свинью, Желан – телушку. Да Желановых сыновей со Здравом отправят утку добывать и рыбу ловить. Желан с Млавой дадут за Купавой полную одежду на зиму и лето, а Здрав вручит тестю гривну. Про пиво и меды и говорить нечего, сколько ни поставь, всё равно мало.

Пока мужчины обговаривали затраты на свадьбу, женщины занимались своими делами. Млава раскрыла перед Златушей коробья с приданым. Всё осмотрели – кожухи домашний и выходной, понёвы крашенные, из бели и холста, убрусы, сорочицы, обувки. Златуша глаз оторвать не могла от зелёных черевьев. Любит отец дочь, коли справил черевички. Купава, которую на сей раз в светлицу не позвали, слушала бабушкины наставления. Недовольно возразила:

– Я ж сама сказала, что согласна.

Гудиша ворчала.

– Ты слушай, что я велю делать. Так с досюльщины повелось. Это как же, дочь с радостью отчий дом покидает? Ай обижали тебя отец с матерью, не любили, не пестовали? Все ольшанские бабы на наш двор зыркают. Не позорь меня, скажут, уму-разуму внуку не научила. Делай, что велю.

Сватовья обговорили все детали, пришли к согласию, обмотали десницы платами, обменялись рукопожатием. Млава выставила ендову пива, круг сыра.

У крыльца поджидала невеста. Упала отцу-матери в ноги, заголосила:

– Да что вы, матинко, татонько! Ай не любя я вам? Почто из дому гоните, в чужи люди отдаёте?

Дрогнуло девичье сердечко, всполошилось. Ведь расстанется с отчим домом, родными, в чужую семью уходит. И к Здраву хочется, и страх берёт из дому уходить. Кто её защитит, кто пожалеет, приголубит. Брызнули из девичьих глаз всамделишные слёзы. Довольная Гудиша подбежала, подхватила под руки, увела причитающую девушку.

С этого дня зачастил в Ольшанку Здрав. То ленточку невесте привезёт, то подружкам ладушки своей пряники-медовики раздаёт. И парубков ольшанских не обошёл – попотчевал пивом.

* * *

Четыре седмицы семейство Желана, не покладая рук, трудилось от зари до зари. Юный молотильщик освоил науку, цеп, как и у старших, словно играл в руках и более не норовил проверить прочность лба. Женщины веяли зерно, крутили жернова. Работали весело, в охотку. Заринка ни на миг не умолкала, словно и усталость не брала. То с братцем-погодком зубо-скальничает, то песенки напевает. Песенки большей частью сама же на ходу и придумывала. От тех песенок-шутеек у Желана душа радовалась, да сердце иной раз ёкало. Пройдёт два-три года – и уйдёт Заринка из отчего дома, как Купава нынче уходит. Хотя и знаешь: так божий мир устроен, приходит пора, и уходят дочери, как и жена твоя некогда ушла к тебе от отца с матерью, – а всё ж ноет сердце. Пусто станет в доме без дочерей. Эх, нашла бы только себе парня доброго. Здрав на вид парень подходящий, да каким в жизни окажется, как сложится с ним у Купавы... Назад возврата нет.

По вечерам Млава с Купавой заканчивали приданое. То повой перекрасят, то оберег к рукаву или пояску пришьют. Гудиша с советами не отставала, тут же и Заринка возле них крутилась.

Отправив сыновей на ловы, Желан ссыпал зерно в ямы. Млад, поражённый до изумления, сунув палец в рот, ходил следом. Никогда не видел, чтобы взрослые забавлялись, словно дети. Вскоре, подражая отцу, трудился во всю матушку, таскал зерно берестяным ковшичком. Набранное сверх меры зерно просыпалось, и от гумна до ямы пролегла золотистая стёжка.

– Ты, сынок, полнёхонький ковшик не нагребай, – проворчал Желан, – вишь, жито просыпается.

Гудиша, ревниво опекавшая младшего внучонка, тут же взяла Млада под защиту.

– Вот беда-то! Две горсточки зерна просыпал! Сгребу да курям отдам. Не ругайся на него, пускай приучается.

Желан, зная материнский характер, пошёл на попятный.

– Да я не ругаюсь, пускай таскает.

Полба, пшеница, часть ячменя и ржи были обмолочены. Оставшиеся копы уложили в ригу.

2

Подошли осенние праздники урожая. В Приильменье, в Поонежье в эти дни славили овин, возжигали живой огонь. На севере без овина не обойтись, в Поднепровье хватало солнца. Поляне, древляне овин не славили, но в рюенские дни, когда день, убывая, сравнивался с ночью, отмечали окончание уборки урожая. В работе, от которой поясницу ломит, руки-ноги гудят, наступала передышка. К праздничным рюенским дням приурочивали иные события.

Семья возблагодарила праотца Рода за данный урожай, отзавтракала. Сыновья, приодевшись в чистое, подались со двора по своим парубочьим делам. Купава помогла матери по дому, нарядилась в крашеную понёву, вышитую сорочку, надела бусы, отпросилась идти с подругами на Песчанку.

– Иди, ладушка, развеселись, измаялась на молотье. Да чего делать на речке-то? – спросила мать. – Вода холодная, не искупаешься.

– А мы и не думаем купаться. Хороводы поведим, песни споём, лето проводим.

Со старшей сестрой увязалась и Заринка.

За трудами не заметили, как и осень пришла. Берёзы сменили зелёные платья на шафрановые, осины – на багряные, трава на взгорках побурела. И цветы отошли, лишь неугасимые, вездесущие одуванчики весело поглядывали на белый свет из пожухлой травы. Девушки украсили головы желтоцветными коронами, кружились в хороводах, играли в догонялки. Вслед за девами на выданье к речке набежала мелюзга, не упускавшая случай потолкаться среди старших сестёр.

Желан сидел на солнышке, занимался нетяжкой работой. И день был праздничный, да особо прохладиться смерду некогда. Молодёжь может и повеселиться, а отцу семейства негоже прохладиться. Да и не умел Желан бесцельно время терять, обязательно находил работу, то упряжь поправить надобно, то крышу подлатать, то на телеге борт сменить, да мало ли что. Сегодня подшивал к зиме поршни. Работал неспешно, сам себя не торопил. Рядом примостилась Гудиша, грела косточки, ворчала потихоньку, вразумляла сына. Сама хозяйка управлялась в избе. Пришли две соседки, творили втроем тесто.

На задворках, выходящих к речке, где сажали капусту, репу, послышался галдёж, девичьи взвизгивания. Во двор вбежало семеро девушек, впереди неслась Заринка.

– Нашу Купаву умыкнули! – выпалила Заринка, не переводя дух, и остановила на отце взгляд широко открытых глаз.

Девушки охали, причитали, прижимали ладони к щекам, выказывая неутешное горе, а в глазах играли смешинки.

– Тише вы! Ну-ка, ладом рассказывайте! – прикрикнул Желан, выронив поршни и вскакивая на ноги. Занятому работой, ушедшему в думы известие прозвучало внезапно и застало врасплох.

– Мы хоровод водили, песни пели, – начала одна.

Другая перебила:

– А он как наскочил, коня вздыбил, а конь-то страховидный какой! Того и гляди, копытами стопчет.

Сзади раздался насмешливый хохоток.

– Чё врешь-то? Уж какой страховидный! На мерине обыкновенном подъехал.

– Да кто, он-то? – не вытерпел Желан и велел дочери: – Ты рассказывай. Галдите все враз, ничего не пойму.

– Ну, витязь такой, могучий из себя. Вихрем налетел, мы в стороны, а он Купаву подхватил, посадил перед собой и ускакал. В Дубравку, наверное.

– Малка за ними побежала, – добавили девушки. – Может, уследит.

Из избы выбежала Млава, крикнула мужу:

– Скорей запрягай, поедем дочь выручать. Эх, Житовия нету.

Седоков набралась полная телега, мелюзга бежала сзади, две девушки остались дома. По Дубравке ехали, сопровождаемые взглядами сельчан. У двора Борея толпились обитательницы сельца, от самых юных до согбенных летами. Действо разворачивалось, недостатка в зрителях не ощущалось.

Вперёд выскочила Малка, замахала руками, закричала:

– Сюда, сюда, здесь она!

Перед родителями похищенной девушки расступились, давая проход, смотрели во все глаза, не скрывая любопытства. Следом шли Купавины подружки. Купава сидела за столом в светлице, ела блины с коровьим маслом. Рядом стояла родительница похитителя, говорила что-то ласковое. На шум обернулась, загрозила девушку большим телом.

– Не отдадим Купаву, теперь она нам дочь. Не уберегли, теперь она наша, вам не отдадим.

Появление Здрава юные ольшанки встретили негодующими возгласами:

– Вот он, негодник! Погубитель! Разоритель! Налетел вихрем, увёз нашу подругу! Вот тебе, вот тебе!

Девушки дёргали парня за рубаху, привстав на цыпочки, доставали до волос, щипали, толкали. Здрав, не защищаясь, лишь морщась и втягивая голову в плечи от пребольных щипков с вывертом, полез в висевшую на плече суму. Доставая из сумы орехи, медовики, творожники, совал в мучившие его руки.

– Вот вам за вашу подругу.

Одарив девушек, протиснулся к столу, поклонился в пояс родителям невесты.

– Отдайте за меня Купаву, ладой мне станет. Люба она мне, – выпрямившись, протянул Желану кошель. – Вот моё вено.

Желан отвёл руку парня, спросил у дочери:

– Что скажешь, дочь? Люб тебе сей витязь, с ним будешь жить или домой вернёшься?

Купава встала, поклонилась.

– Люб мне сей витязь. Отпустите меня к нему.

– Коли люб он тебе, отпускаем.

Здрав вновь протянул кошель. На этот раз Желан принял вено. Забрал кошель, привязал к поясу. У стола уже стоял Борей с чашами ставленого мёда. Родители выпили, Купава попросила:

– Пустите меня в отчий дом на последний вечерочек. С милыми братиками, всеми родичами, подругами попрощаться. А ты, суженый мой, приезжай за мной на зорьке, пока солнце не встало.

Млава с дочерью домой не пошли. Прихватив буравок с требами, приготовленными заботливой бабушкой, отправились к Зоряне, славить Макошь и Ладу.

* * *

Дома невесту ждали и готовились к предстоящему веселию. Женская часть родни трудилась в избе, у печи. Около женщин и Гудиша толклась. Подружки выскребли, вымыли баню, братья натаскали воды, затопили каменку. Дворовой пёс притомился лаять, лежал, положив голову на лапы, и постукивал хвостом.

В хлопотах прошёл день. Сверкающий солнечный диск превратился в красный каравай, коснулся верхушек деревьев. Женщины вернулись со святилища. Впереди шествовала гордая Купава с еловой веткой в руках. Млава с потворницей шли позади, тихо разговаривая меж собой. Ветку опустили в приготовленный кувшин, поставили на столе. Невеста обвила девичью красоту лентой, села в красном углу под пшеничным снопом на застеленную овчиной лавку, заголосила:

*– Ой вы, батюшка и матушка,
И вы, милые братики и сестричка,
И ты, бабушка!
Да как же я жить-то без вас буду?
Изведусь в кручине!
Прощайте, подруженьки!
Похитил меня чужой витязь,
Витязь могучий, своенравный.*

Через распахнутую настежь дверь плач вырывался во двор, крутился меж одринами, хлевом, наполнял гумно, разносился по сельцу. Мужатицы одобрительно кивали. Как без плача отчий дом покидать?

– Ну, невестушка, баня готова, – проговорила, улыбаясь, потворница. – Идём, вымою тебя, чтоб к мужу в чистоте пришла.

Купава послушно встала, вышла из избы. Заворачивая по тропе к бане, оглянулась на ворота. В раскрытую калитку виднелись фигуры сельчан, над тыном высились головы в повоях. Купава лебёдушкой поплыла по тропе.

Любопытные взоры односельчан не раздражали, не приводили в смущение. Наоборот, радовали. Пусть все видят, какая она ладная да пригожая, не засиделась в девках.

Зоряна жестом остановила невесту, первой вошла в баню. Заглянула под лавки, под полки, в углы. Шуруя веником, приговаривала:

– Уходи, злой банник, уходи! Купава мыться пришла.

Потворница нагоняла распаренным веником жар на молодое, упругое, порозовевшее тело. Шептала заговоры от злых, пекельных сил, Чернобога, банников, леших и прочих нелюдей. Купава томно ворочалась на полке.

* * *

Предсвадебный обряд двигался своим чередом. Подружки расплели невесте косу. Невеста разломала ветку, изорвала ленту, раздавала обломки и обрывки подругам, сестре. Сидели за столом, подперев головы кулачками, ладошками, пили грушевый узвар, сладкий мёд, ели заедки. Невеста, не переставая, причитала, голосила. Подружки утирали слёзы.

Все эти действия: мытьё невесты в бане, расплетание косы, разламывание девичьей красоты, причитания и многие другие пришли с седой досюльщины. Эти действия были не надуманными, бессмысленными ритуалами, выглядевшими нелепостью на теле жизни, каждое действие несло вполне определённую нагрузку, заключало в себе конкретное содержание. К «самокруткам» мир относился с пренебрежением. Признавая молодых законным мужем и женой, мир требовал выполнения определённых ритуалов, обрядов, согласных с обычаями данной местности. Свадебное веселие могло продолжаться и два дня, и седмицу, и месяц. Продолжительность веселия говорила о достатке, положении, щедрости родителей. Соблюдение ритуалов не являлось принуждением, каким-либо видом насилия. Молодые сами составляли тело мира, и выполнение его требований было для них таким же естественным, как для крови естественно струиться по сосудам.

С тех пор как бабка нынешнего великого князя взяла в полон древлянских князей, выросло новое поколение, успевшее пережениться, народить и вскормить детей. Некоторые родившиеся в том году имели уже и внуков. Селище Городня давно стало вотчиной киевского боярина. Деление на полян, древлян уходило в прошлое, славяне-русы соединялись в одном роду-племени – русичи. Обычаи одного племени перетекали в обычаи другого. Но у древлян было принято «умыкать» невесту. Родители сходились на сговоры, скрепляли союз двух семейств, ели сыр, отцы, обмотав ладони платами, обменивались рукопожатием, но, как и в стародавние времена, жених выхватывал суженую из хоровода девушек, сажал на коня и увозил домой.

3

Хозяйки ещё не доили коров, только-только, сполоснув лики, вздували огонь в печах, ко двору Желана подкатила телега с двумя седоками. Правил разбитной парень с роскошными пшеничными усами. Лицо его с широким лбом, толстым прямым носом и ямочкой на подбородке выражало добродушное лукавство, с сочных полных губ, казалось, вот-вот сорвутся прибаутки и насмешки. Витязь могучий, своенравный, сидевший рядом с возницей, был одет по праздничному, обут в сапоги. Сама телега выглядела весело. С дуги, оглобель свисали синие, зелёные, красные ленточки, такие же ленточки расцветчивали гриву меринка. Жениха ждали. На собачий лай из избы вышли все женщины. Заринка, любуясь сестрой, забежала вперёд, при-

танцовывала то на одной, то на другой ноге. Купава переглянулась с могучим витязем, в смущении переминавшимся рядом с лошадью.

– Здрaвы будьте, люди добрые! Будь здрава, невестушка! – весело воскликнул возница, соскакивая на землю.

Купаве стало радостно и легко. Скучные наставления и поучения остались в избе. Все четыре женщины были озабочены, но озабочены каждая по-своему. Заринку снедало любопытство и предвкушение праздника. Бабушка и мать тревожились, исполнит ли дочь все наставления, как будет выглядеть в глазах людей, не скажет ли кто, вот, мол, не научили, не наставили молодую. У виновницы треволений было иное на уме – поскорей соединиться с любимым. Хотелось и себя показать, что не хуже иных, и вокруг священного дуба с волхвом обойти, и в то же время хотелось, чтобы всё это поскорей закончилось.

Улыбнувшись жениховому дружке, невеста задорно ответила:

– Здрав еси и ты, Дубец!

К телеге, негромко позванивая бубенчиками, незамеченной подошла Зоряна. Потворницу встретили почтительными поклонами.

– Ой, Зорянушка, ты уж гляди за ними.

– Не сомневайся, бабушка, всё сделаем, как надобно. Путша упреждён, поди-кось, уж дожидается.

– Вот требы, – Гудиша поставила в телегу тяжёлый буравок, кивнула на державшихся за руки молодых: – У них головы не тем заняты, беспременно забудут.

Зоряна усмехнулась, окликнула жениха с невестой.

– Эй, садитесь, поедem. Успеете, намилуетесь.

Заметно светлело. В низине над речкой стлался белёсый туман, тянуло свежестью. Купаве стало зябко под персяным платом. Девушка доверчиво прижалась к тёплому мужскому плечу. Здрав хотел приобнять, пригреть девушку, но засмутился Зоряны. У подножия холма остановились. Дубец остался в телеге, молодые, предводительствуемые потворницей, направились к святилищу. Окрестный мир замер в тишине.

На вершине холма, у среднего трёххватного дуба с четырьмя кабаньими мордами, вросшими в древесную плоть в паре сажений от земли, опираясь на посох, стоял седой волхв. На груди старца, опускаясь ниже бороды, висел громовой знак – каменный наконечник копья, оправленный в червлёное серебро. Зоряна велела поставить буравок с требами на краду, полукольцом охватывавшую святилище, первой ступила на требище.

Волхв пристально посмотрел на приближающуюся троицу, строго спросил:

– Кто вы, и что вам надобно на святом месте?

Пришедшие поклонились, ответила Зоряна:

– Се внуки Дажьбоговы, Здрав и Купава. Хотят жить как селезень с утицей, голубь с голубкой, лебедь с лебедушкой. Хотят деточек родить и взрастить их, как велит закон богa-отца нашего, Сварога милосердного, как отцы и матери родили и взрастили их. Просят именем богa-отца Сварога и прародителя нашего Дажьбога соединить их и назвать мужем и женой.

Волхв требовательно посмотрел в глаза молодым.

– По любви или неволею сходитесь?

Ответствовали одногласно:

– По любви и согласию.

– Правь славите ли?

– Славим!

– Читите ли Триглава?

– Чтим!

– Кто есть Триглав?

– Триглав есть Сварог, Перун и Световит. Сварог есть сын дида нашего Рода. По велению Рода Сварог старший над богами. Сварог дал нам Правь, что Явь направляет. Перун-Громовик – сын Сварога. Перун – бог могучий, милосердный, златокудрый. Перун в битвах русичам помогает, в отступников Руськой земли родии мечет. Световит – се свет божий.

– А чтите ли отца с матерью?

– Чтим!

Удовлетворившись ответами, Путша подал знак Зоряне.

– Приступим.

Зоряна связала молодым руки белёным холстом с вышитыми зелёными кругами – знаками Лады. Путша взял молодых за связанные руки, трижды обвёл вокруг дуба с кабаньими челюстями. Утро дохнуло свежим ветерком, священное древо одобрительно зашептало листьями.

«То боги нас благословляют, – подумалось Купаве. – Макошь-матушка, заступница, и ты, Лада-богородица, будьте ко мне милостивы. Сделайте мою жизнь со Здравом без печали и горести, в радости и счастья».

Девушка посерьёзна. Весело-лёгкое настроение сменилось сознанием важности происходящего события. Здесь, у священного древа, боги решают её судьбу.

На четвёртый раз волхв проследовал мимо дуба, прошёл несколько саженей вниз по крутой тропочке. В отличие от пологого восточного склона, западный едва не обрывисто уходил вниз. Здесь, в обложенной диким камнем копанке, бил родник. Путша велел молодым спуститься ниже, пригнуться и, трижды зачерпнув пригоршнями святую воду, плеснул на склонённые головы.

Краснощёкий Хорс оторвался от окоёма, с побуревших крон дубов лился птичий щебет. Наступал новый день, радостный и солнечный. Волхв обернулся к восходу.

– Дажьбог, бог могучий, милостивый, дающий белый свет, отныне внуки твои Здрав и Купава – муж и жена.

Вслед за Путшей к богам обратилась потворница.

– Ладушка-богородица, будь к ним милостива, будь им заступницей, отведи от них горе-печаль, дай им детушек крепеньких, здоровеньких. И ты, Макошь-матушка, замолви словечко за них пред богами, спряди им нити длинные, чтоб только Доля на них узелки вязала, а Недоля и рукой не касалась.

Волхв обратился к молодым с последним напутствием.

– Вы потомки Сварога, пальцами его сотворённые, внуки Дажьбога! Убегайте Кривды, следуйте Прави, чтите род свой и Рода небесного. Почитайте друг дружку, отца и мать. Муж с женою живите в согласии. На одну жену должен муж посягать. А иначе спасения вам не видать.

Боги скрепили их единение и благословили на совместную жизнь. Минует год, два, новая жизнь станет обыденностью, но сей час жизнь, неся в себе прелесть новизны, представлялась исполнением всех желаний. Сплетя руки, шли вслед за потворницей. Тропинка была узка, шли, касаясь плечами, осящая теплоту тел.

Дубец поплёвывал семечки, спросил весело:

– Ну как, обошли дуб? Не споткнулись?

Молодые заговорщически переглянулись и ничего не ответили, словно боялись расплескать в будничной, житейской болтовне божественную тайну, поселившуюся в их душах. Не дождавшись ответа, разбитной возница подмигнул невесте, взгромоздился на передок. Подъезжая к Ольшанке, обернулся, посмотрел насмешливо на горделивую молодую.

– Эх, и куда вы, девоньки, торопитесь? Вот повяжут тебе голову бабьим повоем, и всё, ни вечёрок тебе, ни хороводов. Знай нянькайся то с мужем, то с дитятыми.

Купава задорно глянула на дружку, ответила беззаботно:

– А мне, может, то любо. Я не абы с кем нянькаться буду, а с ладушкой своим.

* * *

Невеста с потворицей ушли в избу, жених с дружкой задержались во дворе с Житовием и Голованом. На ловах парни сдружились и помысливали, как бы зимой взять на рогатину косолапого из берлоги. Из избы во двор сновали девушки, перешучивались с дружкой, стреляли глазками в жениха, прикрывшись ладошками, хихикали. Солнце между тем поднималось всё выше, припекало, словно в ясный летний денёк. Невеста всё не появлялась.

– Чтой-то нашей Купавушки не видать. И чего возится? Жених заждался, пойду погляжу, – простодушно молвила Малка.

– Да она замуж раздумала иттить! – хохотнул Дубец.

Дружка едва успел бросить в рот калёное семя, сплунуть лузгу, как девушка с криком выбежала из-за угла избы.

– Ой, мамынька! Ой, беда, ой, лихо!

Девушки заволновались, загалдели. Дубец прикрикнул:

– Чего голосишь-то? Говори толком.

– Купавушки-то нету! Невесту-у-у укра-али-и-и! – вновь истошно заголосила Малка.

– Надо было б у дверей стоять-то! А мы тут зубоскалили, – всплеснула руками бойкая толстушка, перемигиваясь с дружкой. – Да ты хорошо глядела-то?

– Всё оглядела, нет в избе. Надобно весь двор обыскать, может, не успели далеко увести, тут где схоронились. Искать надо, чего стоять-то!

Весёлая гурьба переворошила копы в риге, проверила хлев, заглянула и в баню. Купавы и след простыл. Житовий с Голованом остались на месте, похохатывали.

– Идёмте в избу, помыслим, где ещё искать, – Дубец надвинул кукуль на лоб, поскрёб в затылке. – Может, в житную яму спрятали? Хозяев надобно звать да ямы открывать.

Сияющая Купава сидела в избе на конике, от нетерпения потирала руки и хихикала. Невесту приодели. На девушке была красная понёва, зелёные черевья, вышитая сорочица. Шею украшали бусы из зелёного стекла, на виски свешивались медные кольца, голову венчала посеребрённая коруна, волосы русым потоком спускались на спину. К поясу, рукавам были пристёгнуты бесчисленные бубенчики, коники, солнечные знаки.

– Вот ты где, моя ладушка! – воскликнул несказанно обрадованный жених, поднял невесту с лавки, заключил в объятия, трижды расцеловал. – Ну, едем пир править, заждались нас.

Купава низко поклонилась отцу с матерью, всем домочадцам, выйдя во двор, склонилась в поклоне и отчему дому.

4

На околице молодых поджидала босоногая ватажка. Завидев свадебную телегу, сопливые вестники, вздувая порепанными ступнями пыль, с визгами и воплями понеслись по улице. В распахнутых настежь воротах разгорался костёр. Во дворе толпились сельчане. Молодые сошли с телеги, толпа во дворе расступилась, образовав живой переход. К самому костру с просяной метёлкой в руках подбежала одна из младших Здравиных сестрёнок, Купава ещё не запомнила их имена. Преисполненная сознанием важности порученного дела, девочка насупила бровки, плотно сжала губки и, забывшись, прижимала метёлку к груди, словно букет цветов.

– Ну, прыгаем? – негромко молвил Здрав.

Купава посмотрела на бесцветное при дневном свете пламя, с гудением тянувшееся вверх, передёрнула плечами, ответно шепнула:

– Давай.

Перепрыгнув через костёр, молодые пошли по живому переходу. Впереди, пятась, двигалась сестрёнка, разметая путь. Головы, плечи обильно осыпали зёрна пшеницы, головки хмеля. На порожках встречала Златуша в вывернутом мехом наружу кожухе, с караваем хлеба в руках. Молодые поклонились, Златуша разломилась над склонёнными головами каравая, вручила обоим по укругу, отступила в сторону. Здрав ввёл молодую в избу. От волнения у Купавы пресеклось дыхание. Отныне это её дом. Памятуя наставления, трижды поклонилась печи. Борей, замешкавшись, сбил обряд. Купава растерянно оглянулась. Зоряна шептала:

– Теперь свёкру и свекрови кланяйся.

Чей-то голос добавил:

– Обеспамятовала девка, забоялась.

Златуша, ворча, подталкивала мужа на середину светлицы. Обряд возобновился.

Молодых поместили на лавку, покрытую овчиной. За стол села мужнина родня. По кругу поднимали чаши, величали молодых, нахваливали красоту невесты. Здрав с Купавой сидели чинно, взявшись за руки, не притрагиваясь ни к еде, ни к питью. Солнце давно перевалило маковку, покатило под уклон. У Здрава живот подвело, с раннего утра малой крошки во рту не было. Оголодавший жених с завистью поглядывал на родичей, с усердием уписывавших жареную свинину, полбенную кашу. Досадливо думалось: «Ишь, наворачивают. Хоть бы капустником попотчевали». Хотелось перемолвиться о том с Купавой, да поостерёгся. Велено сидеть молча.

Первый стол ставили скромно, поели вполсыта, не засиживались. Тётки Здрава, сёстры Борей и Златуши увели молодых в одрину. В одрине наконец-то накормили. Дали утятин, хлеба, напоили узваром. Молодая едва притронулась к пище. Голода не чувствовала, не до еды было. Происходило нечто, переворачивавшее всю жизнь. Тётки стояли рядом, сложив на животе руки, растроганно смотрели на девушку, племянш, казалось, вовсе не заботил. Отложив надкусанное крылышко, отхлебнув терпковатого питья, Купава подняла робкий взгляд. Тётки приступили к священнодействию: сняли девичью коруну, закрутили волосы, покрыли голову повоем.

– Ну вот, девонька, – приговаривала младшая тётка, сестра Златуши, – кончились твои беззаботные деньки. Теперь ты – мужатица.

Другая, поправив на груди концы плата, добавила:

– Покрыла головушку – наложила заботушку.

* * *

Во дворе сделалась весёлая толчея, поднялись скоки да голки. Под открытым небом устанавливался стол, лавки, выносилась снедь, енды. В круговоротах давки кому-то незначай наступали на ногу, кого-то толкали. Зазевавшихся телепеней награждали беззлобными шутками, веселья прибавлялось. Приехали Купавины родичи, привезли коробья с приданым. Любопытные соседки устремились в избу. В светлице шли свои приготовления. Вторым столом открывалось основное веселие. На стол выставлялось всё, что нива, лес, скотина дают, что вольный смерд трудами добывает.

Замена девичьей коруны на повой знаменовала качественный переход девы в новое состояние. Дева становилась женщиной замужней, мужатицей. Ни обряд в святилище, ни предстоящая брачная ночь не имели для мира того важного поворотного смысла, какой имела смена головного убора.

Впервые появившись на людях с платом, закрывавшим волосы, повязанным особым способом, Купава пребывала в великом смущении. Самой себе она представлялась девчонкой-проказницей, забавы ради облачившейся в материнские одежды. Взрослые, застигнув врасплох, поднимут на смех её и накажут за своеволие. Потупив от робости глаза, потянув

за руку ладушку, Купава поклонилась отцу-матери. Выпрямившись, виновато посмотрела на отца, словно упрашивала того простить ей уход к чужому парню, в чужую семью. Родовичи, успевшие хлебнуть пива, славили уже не невесту, молодую жену: «Вот и молодуха! Раскраснелась, что наливное яблочко!» Млава торжественно водрузила на стол огромный, едва не с тележное колесо, свадебный каравай, покоившийся на деревянном блюде и украшенный жаворонками, голубками, солнечными кругами. Здрав разрезал каравай на множество кусков, Купава подхватила блюдо, пошла вокруг стола, наделяя гостей кусками пышного пшеничного хлеба. Сзади шествовала Малка с другим блюдом, на которое гости складывали подарки.

Повторилось первое застолье. Здрав с Купавой сидели чинно, взявшись за руки, не ели, не пили. Гости вкруговую величали молодых, родителей, налегали на кушанья, хмельные меды и пиво. Солнце село, в избе засветили жировики, во дворе зажгли факелы. Гости затянули песни, зазвучали гусли, сыпал прибаутками дружка, зубоскалили подружки. Гости из избы выходили во двор, присоединялись к хороводам, возвращались назад, осушали чаши. К молодым приблизилась Зоряна, молвила негромко:

– Ну, ладушки, подымайтесь, пора вам.

Молодожёны поклонились большим обычаем одним родителям, другим. Сопровождаемые Зоряной, дружкой, разбитной тёткой Янкой, сестрой Златуши, вышли из избы. Двор встретил кликами, игривыми прибаутками. Появление молодых, следовавших к брачному ложу, никого не оставило равнодушным. Процессия, водительствоемая Дубцом, направилась к риге. Сестрёнка вновь разметала путь. Гости, не удовлетворившись кликами восторга, производили шум всеми возможными способами: кто барабанил деревянными ложками, кто бухал в деревянные бадейки, а кто просто топал ногами или бренчал бубенчиками-оберегами. Никакая нечисть, никакие пекельные обитатели не могли и на версту приблизиться к молодожёнам. В риге Дубец высек огонь, запалил жировик. Посреди помещения была устроена постель из уложенных двумя рядами копов, покрытых холстом. По сторонам от ложа лемехом вниз лежал плуг, цеп, конская упряжь. Янка придержала сыновца с молодой женой у двери. Дубец с Зоряной осмотрели помещение. Дружка светил, потворница заглянула во все закутки, откинув холст, проверила снопы. Не обнаружив ничего, способного принести вред, Зоряна расставила по углам обереги – глиняные фигурки домовых. Молодых усадили на постель, поставили меж ними мису с кашей, утятину, чашу с грушевым узваром на меду. Зоряна тут же булькнула в чашу талисман плодovitости. У истомившегося Здрава только косточки на зубах похрустывали. Купава от волнения опять почти ничего не ела. Ей сделалось неловко перед Зоряной, тёткой, особенно перед Дубцом. Ведают, что произойдёт сейчас на ложе, потому сидела, словно голая, перед ними.

Молодые оттрапезничали, тётка забрала мису, подала убрус утереться. Дубец фыркнул:

– Ладно ужо, пошли. Вишь, молодому невтерпёж.

Тётка хихикнула.

– Потерпит. Ещё не всё.

«Зачем они так, – подумалось Купаве, – и так сором берёт».

– Ну, жена молодая, что сидишь?

Купава опомнилась, скользнула на землю, стянула с мужа сапоги.

5

Пахло житом, в копах шуршали мыши. Купава выпросталась из-под овчины, поднялась с жестковатого ложа. Сквозь сорочку пробрал озноб. Поёжившись, юркнула назад в тепло. Здрав спал, разметавшись, посапывая. Вот он, муж, тёплый, сильный, любый. Боль, причинённая им ночью, была желанной. Через ту боль они сроднились и стали единым целым. Купава довер-

чиво прижалась к тёплому боку. Здрав всхрапнул, проснулся, повернулся на бок, удивлённо посмотрел на жену, та хихикнула.

– Что ль, не признал меня?

Здрав счастливо улыбнулся. Купава тронула ладошкой мягкую бородку, русыми колечками покрывавшую щеки, подбородок. Понежиться молодожёнам не дали. Снаружи слышались весёлые голоса, дверь распахнулась, потоки солнечного света рассеяли полумрак. К постели подбежала тётка Янка с чёрной плоской в руках. Макая пальцы в печную сажу, вмиг измазала молодожёнам лица, руки, плечи. Хохоча, приговаривала:

– А ну-ка, в баню, в баню! – хватала чёрной ладонью отбивавшиеся руки. – Стоит банька натопленная, вас дожидается.

Купава надела верхнюю сорочку, понёву, но у двери была остановлена заплосным криком тётки:

– А повой?

Купава схватилась за голову. Срам-то какой! Мужатица, а едва простоволосая на люди не выскочила.

Путь в баню сопровождался гамом, стуком, топаньем. Гвалт наполнял всё сельцо. Гости похмелялись, веселились. Купава первой сбросила одежды, скользнула в мыльню. Смыв следы первой ночи, обернулась. Муж, наполненный желанием, смотрел на открывшуюся наготу, как на диво дивное. Сама обвила руками, прильнула, приласкала бурно. Потом, осознав свою особую женскую власть, прижимала мужнюю голову к груди, гладила волосы. Здрав шептал заветные слова. Снаружи слышались громкие голоса, смех. Забоявшись, что настырные гости вломятся внутрь и застанут их таких, обмякших, беззащитных, наскоро обмылись, вышли из бани.

Двор дрожал от разудалого веселья. Дубравинцы словно поголовно все стали скоморохами. Кто плясал, кто, будто в комоедицу, надев вывернутые кожаные и меховые шапки, представлял медведя. Один обернулся косолапым, отбивающимся от собак, другой – в сладёну, заломавшего борть и спасающегося от разъярённых пчёл. Мужики, обернув вокруг чресл платы, изображали подвыпивших баб. Женщины, водрузив на повой кукули, подведя сажей усы, представляли надутых от важности престарелых мужиков, занятых степенной беседой. Гульба продолжалась, у молодых же были свои заботы.

Здрав отправился в Ольшанку, где тёща готовилась потчевать зятя блинами и яичницей. Молодой жене предстояло показать своё умельство в домашних работах – затопить печь, поставить тесто, вымести избу, воды наносить. Начала Купава с теста. Поставив квашню на лавку, озаботилась печью. Высекла огнём из кремня искру на трут – вываренный древесный гриб, запалила сухой мох, сложила поверх занявшегося огонька щепки шалашиком. Дома и тесто творила тыщу раз, и печь не меньше топила. Так то дома! А тут чужие глаза глядят с подковыркой за каждым движением – сколько муки насыпала, как печь затопила. Всё ли ладно, или сама вся в муке да саже, а из печи только дым валит. Оглядев работу, захватила вёдра, в сопровождении всё той же тётки Янки и сестрёнки отправилась на Песчанку. Трое ряжёных, приплясывая, потрясывая бубенчиками, отправились следом. Купаве было не до них.

Сразу набрать воды не удалось. Мостки заплонили дубравинские девушки.

– Не пустим, не пустим! Иди в свою Ольшанку, там воду бери.

Хохоча, юные сельчанки размахивали руками, толкались, едва не спихнув одну из своих товарок в речку. Тётка притопнула ногой, погрозила проказницам пальцем:

– Ух вы какие! Купава теперь наша. Пустите за водой!

Девушки не соглашались.

– А пусть выкуп за воду даёт.

Другая добавила:

– Ещё поглядим, что за выкуп! Поскупится, так не пустим.

Купава раскрыла суму, привязанную к поясу, подала девушкам медовых жаворонков. Те попробовали, сбившись кучкой, пошутукались, смилостивились.

– Ладно, набирай. Наша ты теперь.

Купава бросила в журчащие струи ломоть свадебного каравая, девичий поясок, тогда уж и воду зачерпнула. Вернулась с водой в избу, – остолбенела. Словно злой домовик по кухне прогулялся, всё поиспакостил. Огонь в печи погас, квашня на боку, тесто по полу расплзлось, по всей избе клочки сена, кудели валяются. Принялась новоиспечённая жена за работу сызнова, да всё не впрок. Тесто поставила, опять куделя по полу раскидана. Сор вымела, все углы с метёлкой обошла, – дрова в печи раскиданы, чадят, а не горят. Печь наладила, – опять пол замусорен. Не выдержала Купава, хлопнула метёлкой об пол, вскричала жалобно:

– Да куда вы будете дековаться надо мной?

Из сенок ехидный голос ответил:

– Три года лапоть над молодухой потешается.

Спас положение молодой муж. Вернувшись от тётки, вынес во двор ендову пива. Окружив питьё, шутники угомонились. Свадьба окончательно переместилась из избы во двор и в потёмках утихла.

Ночью молодые, застелив жёсткие снопы овчинами, без помех предались утехам, не вздрагивая от каждого шороха и скрипа.

Глава 13

1

Как наладился санный путь, поехал Олович в Киев. Повёз боярину прибыток с вотчины и мыто закупов. Вёз и княжье мыто с Городни, Дубравки и Ольшанки. Сами великие киевские князья мыто давно не собирали, на полюдьё не ездили. Князь Владимир доверил собирать мыто с трёх селищ вотчиннику Брючиславу. За боярина мыто собирал управитель-огнищанин. Потому осенью вотчинные тиуны разъезжали по Дубравке и Ольшанке, как по боярской вотчине. Мыто собирать – труд тяжкий. Кто ж задарма трудиться станет? Князю княжье отдай. Отдай и не зарься. За своё, кровное, князь руки пообрывает. Потому за тяжкие труды тиунов, вотчинного управителя, самого боярина рассчитывались смерды. Смерды же, известно, народец подлый, глаз да глаз нужен. И подъездной княж, что княжий прибыток считает, и боярин требовали отчёта. Ехал огнищанин со списками, в коих и про урожай сказано, сколько чего собрано, и про недоимщиков. Вozy нагрузил полнёхоньки. Всё в них было – свиные и скотские туши, битая птица, мёд, шерсть, холсты, простые и белёные, шкуры. Всего было вдоволь, да знал заранее – мало. Терем боярский стоял на Щековице, рубленый, двухъярусный со множественством клетей внизу, чистых светлиц, горенок наверху.

Вozy боярин осматривал своим глазом. Дородный, сытый, краснолицый, ходил в распахнутом кожухе от саней к саням, тыкал пальцем в туши, поднимал за лапы птицу. Рядом семенил длинный и худющий ключник. Ворчал Брючислав – сало тонковато, гуси тощи. То были знакомые речи, иных Олович и не ожидал. Сам такое же в Городне выговаривал. Оба видели – и сало доброе, и гуси откормленные. Да разве можно смерда ли, холопа хвалить. Осмотрев привезённые припасы, потолковав с ключником, боярин поднялся в особую светёлку, огнищанин следом отправился, по спискам отчитываться.

Всё ж зазяб боярин, вроде и лёгкий морозец, да занозистый. Позвал челядина, велел печь затопить. Сам сидел, стулом поскрипывал, Олович давал объяснения стоя. Боярин слушал, насупясь, пальцем теребил толстую нижнюю губу. Огнищанин отчитался, думал: и куда эдакая-то прорва идёт? По всему видать – мало, недоволен боярин. Тот всё сидел, не отпускал от себя. Наконец откинулся на спинку стула, фукнул, стукнул трижды посохом о пол. Прибывшему челядину велел стол накрыть, списки в досканец собственноручно прибрал. Челядин принёс ендову мёда, блюдо жареной свинины, капусту, заедки. Брючислав кивнул Оловичу на стул. Усаживаясь, огнищанин насторожился. Неспроста боярин привечает. За стол с собой в вотчине саживал, в Киеве иной раз чашу подаст, сам выпьет. Но чтоб вот так, такого не бывало. Ох, неспроста, неспроста боярин трапезничать усадил. Тяжелёхонькой бывает боярская да княжья милость.

Выпили по чаше, другой. Громко чавкая, плотно закусили. Брючислав обтёр вышитым убрусом губы, подбородок, жирные пальцы, приступил к беседе.

– Я тобой, Олович, доволен.

Огнищанин облегчённо вздохнул, понимал: сейчас начнётся главный разговор. Хотя и не робел, но подобрался внутренне, насторожился, терялся в догадках – чего боярину вздумалось. Тот кивнул на ендову, огнищанин с готовностью налил. Выпили ещё по одной. Брючислав захватил горстью свежеквашеной капусты с морковными лоскутками, укропным духом, отправил в широко открытый рот, смачно похрустел.

– Службой твоей доволен, да что с того. Мал прибыток с вотчины моей.

Олович согласно хихикнул, развёл руками.

– Знамо, что маловато. Дак с одной овцы две шкуры не сымешь.

Боярин махнул рукой, покривил губы.

– Смерд не овца, и три шкуры сымешь, всё одно новая нарастёт. Однако и твоя правда есть. Потому мыслю я к вотчине своей и Ольшанку с Дубравкой присовокупить. Чтоб вольные смерды, – тут боярин хмыкнул презрительно, – не только князю, но и мне мыто платили.

Огнищанин выпучил глаза.

– Да как же? Силком забирать, сгребутся, на вече в Киев побегут жалиться, к князю.

Вече! Ох уже это вече! Костью в горле стояли сборища простых людинов. Собыётся в кучу голытьба на Торговище, и никто ей не указ, ни князь, ни люди нарочитые. Ещё и волхвы людином подпевают – Русью мир правит. Так в Прави, дескать, говорится, чтоб князь на вече ответ держал. А кто ту Правь видел? Не сами ли волхвы и выдумали, чтоб людие их сторону держали? Помнилось запрошлогоднее лето. Боярин аж плечами передёрнул от тех воспоминаний. Голытьба с подольского Торговища ринулась сюда, в Верхний город, крушить да жечь бояр. На кого руку подняли, подлые? На старцев градских, лучших, нарочитых людей. С того лета задумал Брячислав занять свою дружину, не стражу воротную, то само собой, а десятка два, а то и три верных кметов. Дружину держать – деньги потребны, и не малые.

– Для чего мне деньги нужны, тебе знать без надобности, – с важностью говорил начавший хмелеть Брячислав.

Огнищанин же про себя думал: «Известно зачем. Сколько скотницы ногами да кунами ни набивай, всё одно мало. Чем больше имеешь, тем больше хочешь. Кому ж это не ведомо?» Думать думал, но, хоть хмелел изрядно, боярину тех слов не говорил.

– Ты, Олович, обмысли, – продолжал боярин, – как селища за моей вотчиной закрепить. Сделаешь то – щедро отблагодарю, не поскуплюсь, не сомневайся.

– В одночасье того не сотворишь, – скрёб затылок огнищанин, преданно поглядывая на боярина.

Брячислав погрозил пальцем, сам наполнил чаши.

– А ты мысли, мысли. Захочешь – сделаешь.

Выпили, поели жарева.

– Надобно так извернуться, чтоб смерды сами пришли на себя ряд творить.

– Во-во, – поддакнул боярин, – пожуют мелицу месяц-другой, с голодухи опухнут – прибегут за хлебушком. Тут мы их – хоп, и в буравок. Вот только как исделать, чтоб смерды без своего-то хлебушка остались? Тут тебе крепко помыслить надобно.

Как целое сельцо без хлеба оставить, чтоб перед жителями голодная смерть замаячила, представлял боярин. Да слов тех вслух не произносил. Побаивался. Вдруг князь да розыск учинит, почему смерды без мыта его оставили. Да и всплывёт их нынешняя беседа, огнищанин на него укажет, он, дескать, мне велел. Потому и трапезничал с управителем, и мёд, не скупясь, подливал, чтоб огнищанин сам те слова произнёс. В случае чего и сказать можно, известное дело, привёз управитель прибыль, посидели, выпили, как водится, побеседовали за чашей. А что огнищанин сотворил, не знаю, не ведаю.

– Я так мыслю, будущим летом, чтоб Ольшанку с Дубравкой к рукам прибрать, надобно их без урожая оставить. Потраву устроить, а лучше... – огнищанин сам поразился своей задумке, – а то и пожечь. Без урожая останутся – прибегут, прибегут. На мелице год не проживёшь. Для таких-то дел верных людей подобрать надобно, чтоб в тайне всё осталось, – размышлял захмелевший Олович. – Верь мне, Брячислав, через год и Ольшанка, и Дубравка твоими станут. Сделаю, но не сразу.

Чувствуя взаимное доверие, боярин и управитель допили ендову. В жарко натопленной светёлке разомлели, отправились спать. Утром предстоял путь на княжий двор. Там спрос был не с огнищанина, а с боярина.

2

Для тайных чёрных дел один человечиска у Оловича имелся. Ходил в рядовичах в вотчине некий Ляшко. Из себя могутный, нравом злобный. Такой по пустой злобе заламает страшной медведя-шатуна. Шибко зол был Ляшко на ольшанских. Подсажи – пойдёт и жечь, и крушить за обиду. Крепко обидели Ляшка ольшанские. Дело было житейское. С кем другим случись, давно бы забылось и былём поросло. Копил Ляшко обиды, не забывал, лелеял, сам себя растравливал. Надсмехались ольшанские над рядовичем. Тому отшутиться бы сразу, а он в драку лез, те, как завидят, и горазды зубоскалить. Высмотрел Ляшко в сельце деву Купаву, дочь смерда Желана. Хороша дева, ладна, пригожа. Хотел жениться. Городнянскую бабу подговорил свахой сходить. Отказала Купава, а сельчане посмеялись. Ляшку и невдомёк, почто насмешки над ним строят. Пошла Купава за дубравинца Здрава. На игрищах меж сёл, кои устраивались на Красной Горке, побил Ляшко Здрава. Крепко побил. По уговору парни, молодые мужики бились до первой крови. У Здрава уж весь лик окровенился, из носа руда ручьём бежала, а Ляшко всё молотил парня. Ярила кровь рядовича, и в ярости был неукротим. Купава за битого пошла, а ему тогда едва очи не заплевала. Обидно было Ляшку, а тут ещё и надсмешки. Злоба Ляшка была на руку, да беда, не богат умом был витязь вотчинный. Потому надобен был ещё подручник, хитрый, вёрткий. Да и сподручней, вдвоём-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.